Город пустых. Побег из Дома странных детей

Автор:
Ренсом Риггз

Город пустых. Побег из Дома странных детей

Ренсом Риггз

Мисс Перегрин #2

Джейкоб знает, что он не такой, как все. Он – один из странных. В компании новых друзей ему предстоит полное смертельных опасностей путешествие по петлям времени. Нужно успеть спасти директрису, мисс Сапсан, которая застряла в облике птицы! Но твари и пустоты идут по пятам…

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Ренсом Риггз

Город пустых. Побег из Дома странных детей

© Ransom Riggs, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2014

* * *

Посвящаетс я Тахерен

И вот в ладье навстречу нам плывет

Старик, поросший древней сединою,

Крича: «О, горе вам, проклятый род!

Забудьте небо, встретившись со мною!

В моей ладье готовьтесь переплыть

К извечной тьме, и холоду, и зною.

А ты уйди, тебе нельзя тут быть,

Живой душе, средь мертвых!»

Но я не отошел…

Данте, Ад, песнь III[1 - Перевод М. Лозинского. (Здесь и далее примеч. пер.)]

Странные персонажи

Джейкоб Портман – наш герой, который видит и чувствует пустоты.

Эмма Блум – девушка, которая умеет вызывать руками огонь, в прошлом подруга дедушки Джейкоба.

Абрахам Портман (покойный) – дедушка Джейкоба, убитый пусто?той

Бронвин Брантли – необычайно сильная девушка.

Миллард Наллингс – невидимый юноша, знаток всего экстраординарного.

Оливия Аброхолос – девочка, которая легче воздуха.

Гораций Сомнассон – мальчик, которого посещают пророческие видения и сны.

Енох О’Коннор – мальчик, способный на краткое время оживлять мертвых.

Хью Апистон – мальчик, способный управлять пчелиным роем, обитающим у него в животе.

Клэр Денсмор – девочка с дополнительным ртом на затылке. Самая младшая из странных детей мисс Сапсан.

Фиона Фрауэнфельд – молчаливая девочка, обладающая очень необычной способностью ускорять рост растений.

Алма ЛеФэй Сапсан – манипулировать временем, заведует Кэрнхолмской петлей времени. Превратилась в птицу и не может снова стать человеком.

Эсмерельда Зарянка – имбрина, петля времени которой была взломана силами Зла. Похищена тварями.

Обычные персонажи

Франклин Портман – отец Джейкоба, орнитолог-любитель, мечтающий стать писателем.

Марианна Портман – мать Джейкоба, наследница второй по величине сети аптек Флориды.

Рики Пикеринг – единственный нормальный друг Джейкоба.

Доктор Голан (покойный) – тварь, принявшая облик психотерапевта, чтобы обмануть Джейкоба и его родителей. Позднее убита Джейкобом.

Ральф Уолдо Эмерсон (покойный) – эссеист, лектор, поэт.

Часть первая

Глава первая

Мы гребли к выходу из бухты мимо качающихся на волнах лодок с ржавчиной на бортах, мимо колоний молчаливых морских птиц, гнездящихся на остатках затопленных доков, обросших ракушками, мимо рыбаков, опускающих в воду свои сети. Рыбаки смотрели на нас широко раскрытыми глазами, как будто сомневались в том, что перед ними живые люди. Видимо, десять молчаливых детей и птица в трех утлых лодчонках и в самом деле напоминали вынырнувших из воды призраков. Мы так упорно гребли в открытое море, стремясь к выходу из единственной укромной гавани на многие мили вокруг, как будто хотели как можно скорее покинуть не только бухту, но и мир живых людей. Зыбкие очертания угрюмых утесов, подернутых дымкой голубовато-золотистого рассвета, стремительно исчезали вдали. Где-то перед нами находилась наша цель – скалистый берег континентального Уэльса, но пока он представлял собой лишь мутное чернильное пятно на бесконечно далеком горизонте.

Над волнами возвышался старый маяк. Он сохранял такое невозмутимое спокойствие, как будто точно знал – вчерашние бурные события ему всего лишь пригрезились. Именно здесь, ежесекундно рискуя погибнуть под градом пуль и разрывами бомб, мы чуть было не утонули. Именно здесь я взял в руки пистолет и нажал на спусковой крючок, хотя мне до сих пор не удавалось осмыслить тот факт, что я убил человека. Именно здесь мы потеряли и снова обрели мисс Сапсан, вырвав ее из стальных челюстей подлодки. К несчастью, мисс Сапсан

очень пострадала и нуждалась в помощи, которую мы были не в состоянии ей оказать. И сейчас она тихонько сидела на корме нашей лодки, глядя, как исчезает вдали созданное ею убежище, и с каждым взмахом весел выглядела все более растерянной.

Наконец мы миновали волнорез и оказались в открытом море. Зеркальная гладь бухты тут же сменилась небольшими волнами, которые легко ударяли в борта наших лодок. Где-то высоко в облаках у нас над головой раздался гул самолета, и я перестал грести, запрокинув голову и представив себе, как с такой высоты выглядит наша небольшая флотилия, и этот мир, в котором я решил остаться, и все, что у меня в нем есть, и наши драгоценные странные жизни, заключенные в трех щепках, колышущихся в огромном немигающем глазу моря.

Боже милосердный, сжалься над нами!

* * *

Наши лодки шли рядом, легко скользя по волнам, и попутное течение быстро несло нас к берегу. Мы гребли по очереди, сменяя друг друга на веслах, чтобы получить хоть небольшую передышку и восстановить силы. Впрочем, сил у меня было столько, что почти час я отказывался уступить кому-либо свое место. Я задумчиво греб, ритмично описывая руками вытянутые эллипсы, как будто подтягивая к себе что-то невидимое и неосязаемое. Хью греб, сидя на скамье напротив, а у него за спиной на носу лодки сидела Эмма, скрывая лицо под широкими полями панамы и уткнувшись в разложенную на коленях карту. Время от времени она отрывалась от карты, чтобы, подняв голову, всмотреться в горизонт. От одного взгляда на ее освещенное солнцем лицо меня переполняла энергия, о существовании которой в собственном теле я и не подозревал.

Мне казалось, я способен грести вечно. Но в какой-то момент Гораций, сидевший в соседней лодке, поинтересовался, какое расстояние отделяет нас от берега. Эмма прищурилась, глядя на остров, затем снова перевела взгляд на карту, что-то измерила пальцами и с сомнением в голосе произнесла:

– Семь километров?

Миллард, который тоже сидел в нашей лодке, что-то прошептал ей на ухо. Эмма нахмурилась, повернула карту боком, нахмурилась еще сильнее и уточнила:

– То есть я хочу сказать… восемь с половиной.

Не успела она договорить, как я ощутил, что силы меня покидают. Все остальные тоже заметно приуныли.

Восемь с половиной километров. Тошнотворное плавание на пароме, который несколько недель назад доставил меня на Кэрнхолм, заняло бы не больше часа. Любая моторная лодка легко преодолела бы это расстояние, ведь оно было на полтора километра меньше, чем дистанция, которую мои далеко не спортивные дядья изредка пробегали во время благотворительных состязаний. Это было лишь немногим больше, чем, если верить утверждениям мамы, она преодолевала на гребном тренажере в своем модном спортзале. Но паром между островом и континентальным Уэльсом пустят не раньше чем через тридцать лет, а гребные тренажеры никто не нагружает людьми и их вещами. Они также не рискуют сбиться с курса, а следовательно, не нуждаются в постоянной его коррекции. Хуже того, участок моря, который мы пытались пересечь, был печально известен кораблекрушениями. Нас ожидало восемь с половиной километров изменчивых и капризных волн над дном, усеянным обломками судов и костями их экипажей. Кроме того, где-то в этой непостижимой и непроницаемой глубине притаились наши враги.

Те из нас, кого тревожила мысль о тварях, предполагали, что они совсем рядом, затаились где-то под нами и выжидают, укрывшись в немецкой подводной лодке. Если они еще не узнали, что мы бежали с острова, им предстояло выяснить это в самом ближайшем будущем. Они приложили столько усилий, похищая мисс Сапсан, не для того, чтобы сдаться после первой же неудачной попытки. Военные корабли, которые подобно многоножкам ползали по линии горизонта, и британские самолеты, патрулирующие небо у нас над головой, не позволили бы подлодке подняться на поверхность средь бела дня. Однако ночью мы неизбежно оказались бы в их полной власти. Мы понимали, что они снова похитят мисс Сапсан, потопив всех остальных. Единственной нашей надеждой на спасение оставался берег, которого мы должны были достичь до наступления темноты, и поэтому мы продолжали грести из последних сил.

* * *

Мы гребли до судорог в руках и плечах. Мы гребли, несмотря на то что утренний ветерок стих и солнце обрушило на нас весь свой испепеляющий жар. Мы обливались потом, и вдруг я с ужасом осознал, что никто не догадался прихватить с собой воды и что в 1940-м году не существовало солнцезащитных кремов. Кожа на ладонях вздулась, а затем полопалась, и мы поняли, что больше не в состоянии шевелить веслами, но все равно продолжали грести.

– С тебя льет ручьем, – заметила Эмма. – Пусти меня на весла, пока ты окончательно не растаял.

Ее голос вырвал меня из дремоты, в которую я начал погружаться, и я вздрогнул, а затем с благодарностью кивнул и поменялся с ней местами. Впрочем, уже через двадцать минут я потребовал, чтобы она снова уступила мне место. Мне не понравились мысли, которые начали закрадываться в мою голову, пока тело отдыхало. Я представлял себе, как отец просыпается и обнаруживает, что я исчез, покинув наши комнаты в Кэрнхолме. Вот он находит поразительное письмо Эммы. Я как будто наяву видел охватившую его панику. Перед моим внутренним взором, заставляя меня пережить их снова, мелькали жуткие сцены, свидетелем которых мне пришлось стать. Я чудом умудрился спастись от чудовища, едва не сомкнувшего на мне челюсти, у меня на глазах погиб мой бывший психиатр, а погребенный во льду мертвец на мгновение восстал из потустороннего мира, чтобы прохрипеть что-то мне в ухо своим растерзанным горлом. Поэтому я греб, несмотря на изнеможение, стараясь не думать о том, что моему позвоночнику, вероятно, уже никогда не выпрямиться, и о том, что мои ладони превратились в сплошные кровоточащие ссадины. Я пытался не думать вообще ни о чем, сосредоточившись на веслах, будто налитых свинцом, которые казались мне одновременно пожизненным приговором и спасательным кругом.

В соседней лодке на весла налегала только Бронвин, силы которой казались неистощимыми. Напротив нее сидела Оливия, на чью помощь рассчитывать не приходилось. Попытайся эта крошка потянуть за весла, она взлетела бы в воздух сама, и любой порыв ветра унес бы ее прочь, как воздушного змея. Поэтому Оливия криками подбадривала Бронвин, выполнявшую работу двоих, если не троих-четверых человек, с учетом всех чемоданов и коробок, сваленных в их лодку. В этих чемоданах находилась одежда, еда, карты, книги и множество

гораздо менее практичных вещей вроде нескольких банок с маринованными сердцами рептилий в брезентовом мешке Еноха или круглой дверной ручки, взрывом сорванной с двери дома мисс Сапсан. Хью подобрал этот сувенир в траве, когда мы шли к лодкам, и решил, что ему без него никак не обойтись. Горацию удалось спасти из пылающего здания объемистую подушку. Он заявил, что это его счастливая подушка, именно она не подпускает к нему ночные кошмары.

Все остальные предметы были настолько драгоценными, что дети не расставались с ними, даже сидя на веслах. Например, Фиона сжимала коленями горшок с кишащей червями садовой землей. А Миллард разрисовал себе лицо полосами кирпичной пыли, перемешанной с пеплом, зачерпнутым у дома мисс Сапсан, – этот диковатый поступок можно было расценить как часть некого погребального ритуала. Если все это и казалось странным, я хорошо их понимал. Ведь эти вещи были единственным, что связывало их с родным домом. Они осознавали, что дома больше нет, но при этом не были готовы с ним расстаться.

Целых три часа мы гребли, как рабы на галерах, и за это время остров уменьшился до размеров ладони. С этого расстояния он нисколько не напоминал зловещую, окруженную неприступными утесами крепость, которая открылась моему взгляду лишь несколько недель назад. Теперь он представлялся хрупким, и мне казалось, что волны способны в любую секунду смыть этот остроконечный осколок гранита с глаз долой.

– Смотрите! – вскакивая на ноги, закричал Енох в соседней лодке. – Он исчезает!

Призрачный туман окутал остров, заслонив его от наших взглядов, и мы опустили весла, грустно глядя на облачко, скрывшее от нас Кэрнхолм.

– Попрощайтесь с нашим островом, – произнесла Эмма, вставая и снимая свою широкополую шляпу. – Возможно, мы его уже никогда не увидим.

– Прощай, остров, – произнес Хью. – Ты был к нам добр.

Гораций опустил весла и замахал руками.

– До свидания, дом! Я буду скучать по твоим комнатам и садам. Но больше всего я буду скучать по своей кровати.

– Пока, петля, – шмыгнув носом, прошептала Оливия. – Спасибо за то, что берегла нас столько лет.

– Столько счастливых лет, – уточнила Бронвин. – Самых лучших лет моей жизни.

Я тоже мысленно попрощался с островом, с этим местом, изменившим меня раз и навсегда. Именно с ним, а не с кладбищем, на котором похоронили дедушку, для меня теперь были связаны тайна его жизни и все воспоминания о нем. Я приехал на остров в попытке постичь эту тайну, а в итоге обнаружил, что и сам представляю собой загадку. Я надеялся, что сумею понять, кто я, и это, в свою очередь, объяснит все происшедшие и продолжающие происходить со мной перемены. Но теперь, когда из моей жизни исчез дедушка, а затем и остров, эта цель показалась мне совершенно недостижимой. Глядя на скрывающийся вдали Кэрнхолм, я ощущал, как последний ключ к разгадке тайны выскальзывает из моих пальцев, погружаясь в темную морскую пучину.

И вот остров исчез за стеной тумана.

Как будто его никогда и не было.

* * *

Вскоре туман поглотил и нас. Он надвигался медленно, но неуклонно. Сначала потускнела и исчезла береговая линия, затем побледнело и превратилось в мутное белое пятно солнце. Еще некоторое время мы пытались грести, но волны то и дело разворачивали лодки, пока мы окончательно не утратили ориентацию в пространстве. Со всех сторон нас окружала плотная белесая мгла и тишина. Нам оставалось только ждать, потому что плыть дальше смысла не было.

– Мне это не нравится, – подала голос Бронвин. – Если мы будем ждать слишком долго, наступит ночь, и нам придется иметь дело с вещами пострашнее плохой погоды.

И тут, как будто погода услышала слова Бронвин и решила поставить нас на место, она испортилась по-настоящему. Подул сильный ветер, и уже через несколько мгновений окружающий мир изменился до неузнаваемости. Море

вздыбилось белыми бурунами, волны раскачивали лодки и разбивались об их борта, заливая наши ноги холодной водой. Затем начался дождь, обрушив на нас град безжалостных, как пули, капель. Вскоре нас уже швыряло из стороны в сторону, будто резиновые игрушки в ванне.

– Поворачивайтесь носом в волны! – кричала Бронвин, рассекая веслами воду. – Иначе они вас перевернут!

Но мы настолько выбились из сил, что не смогли бы грести, даже если бы на море царил штиль, не говоря уже о шторме. Все были настолько перепуганы, что не были способны даже дотянуться до весел. Поэтому мы просто изо всех сил вцепились в борта.

Прямо на нас шла стена воды. Мы взлетели на огромную волну, развернувшую лодки почти вертикально. Эмма держалась за меня, а я – за уключину. Позади нас Хью обеими руками вцепился в скамью. На мгновение замерев на гребне, мы устремились вниз. Мой желудок рухнул куда-то в ноги, и мне показалось, что я угодил на какие-то чудовищные русские горки. Все, что не было привязано – карта Эммы, сумка Хью, красный чемодан на колесиках, который я привез из Флориды, – пролетело у нас над головой и исчезло в море.

Времени на то, чтобы расстраиваться из-за утраченных вещей, не было, потому что на мгновение мы потеряли из виду другие лодки. Как только наша выровнялась, мы стали всматриваться в окружающий водоворот, выкрикивая имена наших друзей. Спустя несколько мгновений ужасающей тишины мы услышали их голоса, а затем в тучах водной пыли возникла лодка Еноха. Все четыре пассажира оставались на местах и отчаянно махали нам руками.

– Вы в порядке? – закричал я им.

– Смотрите! – раздался ответный крик. – Туда, смотрите туда!

Я понял, что они не просто нам машут, но пытаются обратить наше внимание на что-то, плавающее в воде метрах в тридцати от нас. Это был корпус перевернутой лодки.

– Это лодка Бронвин и Оливии! – воскликнула Эмма.

Рядом с ржавым, обращенным к небу днищем шлюпки ни одной из девочек видно не было.

– Необходимо подойти ближе! – закричал Хью.

Забыв об усталости, мы схватили весла и принялись грести к перевернутой лодке. Мы громко звали девочек по имени, но наши голоса относило ветром.

Внезапно нас со всех сторон окружила плавающая в воде одежда, которая выпала из чемоданов, и в каждом платье нам чудилась утопающая девочка. Сердце бешено колотилось у меня в груди, и, хотя я промок насквозь и мое тело сотрясала крупная дрожь, холода я не ощущал. Мы встретились с лодкой Еноха возле корпуса перевернутого суденышка и вместе принялись осматривать волны.

– Где они? – застонал Гораций. – О, если мы их потеряли…

– Под лодкой! – крикнула Эмма, показывая на ржавое днище. – Возможно, их накрыла лодка!

Я выхватил из уключины одно из весел и начал колотить им по корпусу лодки.

– Если вы там, выплывайте! – закричал я. – Мы вас спасем!

Отклика не последовало, и я успел подумать, что надежды больше нет. Но вдруг из-под перевернутой лодки донесся ответный стук. Во все стороны полетели щепки, и в образовавшейся дыре появился кулак. Мы вздрогнули от неожиданности.

– Это Бронвин! – закричала Эмма. – Они живы!

Бронвин хватило нескольких ударов, чтобы расширить дыру в корпусе лодки. Я протянул ей весло, и с помощью Хью и Эммы вытащил ее из бурлящей воды. Она перевалилась через борт нашей лодки в то самое мгновение, когда ее поврежденное суденышко исчезло в волнах. Она билась в истерике и, задыхаясь, звала Оливию, которой под корпусом лодки не было. Малышку найти пока не удалось.

– Оливия… надо спасти Оливию, – дрожа и откашливаясь, бормотала Бронвин. Из карманов ее торчали выловленные из воды туфли Оливии. Она вскочила в лодке и показала куда-то в бушующее море. – Вон там! – крикнула она. – Видите?

Я прикрыл глаза от безжалостного дождя, но не увидел ничего, кроме волн и тумана.

– Я ничего не вижу!

– Она там! – настаивала Бронвин. – Веревка!

И тут я увидел, на что она показывала. Это была не барахтающаяся в воде девочка, а толстый пеньковый канат, один конец которого был погружен в море, а второй исчезал в тумане.

Мы подплыли к канату, и Бронвин начала подтягивать его к себе. Спустя минуту из тумана над нашими головами появилась Оливия, вокруг талии которой и был обмотан второй конец веревки. Она потеряла туфли, когда лодка перевернулась, но к этому моменту Бронвин успела привязать ее к якорному канату, погрузившемуся в море вместе с утонувшей шлюпкой. В противном случае девчушка уже затерялась бы в облаках.

Оливия обвила руками шею Бронвин и заворковала:

– Ты меня спасла, ты меня спасла!

Они обнялись, а у меня к горлу подступил комок.

– Но опасность еще не миновала, – напомнила нам Бронвин. – Нам по-прежнему предстоит доплыть до берега, и, если мы не хотим угодить в еще худшую переделку, необходимо сделать это до наступления темноты.

* * *

Шторм немного притих, и нас уже не швыряло по волнам. Но мы окончательно выбились из сил, и, даже если бы воцарился полный штиль, нам не удалось бы

поднять весла из воды. Мы до сих пор не преодолели и половины пути, но собственные руки казались мне налитыми свинцом, а ладони беспощадно жгло, будто огнем. Кроме этого, от беспрестанной качки меня мутило, и, судя по зеленоватому цвету окружающих меня лиц, в этом я был не одинок.

– Давайте немного отдохнем, – бодрым голосом предложила Эмма. – А пока туман не рассеялся, можем вычерпать из лодок воду…

– Такой туман совершенно непредсказуем, – перебил ее Енох. – Он может не рассеяться и за несколько дней. Через пару-тройку часов стемнеет, и тогда нам останется надеяться только на то, что мы сможем продержаться до утра и твари нас не обнаружат. Всю ночь мы будем совершенно беззащитны.

– К тому же у нас нет воды, – вставил Хью.

– И еды, – добавил Миллард.

Оливия подняла вверх обе руки и произнесла:

– Я знаю, где она!

– Где что? – удивилась Эмма.

– Земля. Я ее видела, когда летала там, наверху.

Оливия объяснила, что поднялась над туманом и совершенно отчетливо увидела берег.

– Что нам с этого толку? – пробормотал Енох. – С тех пор как мы тебя опустили, нас развернуло не меньше полудюжины раз.

– Тогда отпустите меня наверх еще раз.

– Ты уверена? – забеспокоилась Эмма. – Это опасно. Что, если тебя подхватит ветром или веревка лопнет?

– Отпустите меня наверх, – с каменным лицом повторила Оливия.

– Когда на нее находит такое, спорить бесполезно, – вздохнула Эмма. – Разматывай веревку, Бронвин.

– Ты самая храбрая маленькая девочка из всех, кого я знаю, – сообщила Оливии Бронвин, прежде чем приняться за работу.

Она вытащила якорь из воды и положила его в нашу лодку. Это позволило нам связать между собой две уцелевшие шлюпки, чтобы их снова не разбросали волны. Затем она начала осторожно разматывать веревку, и Оливия поднялась в небо над туманом.

Воцарилась странная тишина. Мы все сидели совершенно неподвижно, запрокинув головы и глядя на уходящую в облака веревку в ожидании знака с неба.

Первым не выдержал Енох.

– Ну что там? – нетерпеливо окликнул он Оливию.

– Я ее вижу! – послышался в ответ голосок, еле слышный за шумом волн. – Она прямо перед нами!

– Меня устраивает! – буркнула Бронвин.

Пока мы все обессиленно сидели на скамьях, обхватив руками пустые животы, она перебралась в переднюю лодку, села на весла и принялась грести, руководствуясь доносящимся сверху голоском Оливии, невидимого ангела, парящего в небе над нашими головами.

– Левее… еще левее… нет, это чересчур!

Вот так мы медленно продвигались к берегу в сопровождении длинных серых щупалец тумана, похожих на призрачные пальцы руки гигантского привидения, пытающейся увлечь нас обратно.

Казалось, остров тоже не хочет с нами расставаться.

Глава вторая

Наша двойная лодка остановилась, заскрежетав днищем по каменистой отмели. Мы выбрались на берег, когда солнце потускнело, скрывшись за плотной завесой туч на горизонте. До наступления темноты оставалось, наверное, не больше часа. Пляж представлял собой каменистую полоску суши, сплошь покрытую грязными лохмотьями морских водорослей, но в моих глазах он был прекрасен – гораздо прекраснее любого из белоснежных песчаных пляжей Флориды. Он был нашим спасением. Что видели, озираясь вокруг, все остальные, я и представить себе не мог. Большинство из них никогда не покидали Кэрнхолм. Их изумлял как незнакомый пейзаж, так и тот факт, что они все еще живы, хотя никто не знал, как этим чудом распорядиться.

Мы брели по берегу на ватных, подгибающихся от усталости ногах. Фиона зачерпнула пригоршню скользкой гальки и сунула камешки в рот, как будто стремясь задействовать все пять органов чувств и с их помощью убедиться в том, что все это не сон. Именно так чувствовал себя первое время и я, очутившись во временной петле мисс Сапсан. Еще никогда я до такой степени не сомневался в том, что мои глаза меня не обманывают. Бронвин со стоном опустилась на камни. Она была так измучена, что у нее не было сил даже говорить. Вокруг нее тут же поднялась суета. Дети окружили ее и начали благодарить за все, что она для них сделала. Но во всем этом ощущалась какая-то неловкость. Наш долг перед ней был так велик, что слово «спасибо» на его фоне выглядело маленьким и ничтожным. Она попыталась отмахнуться от нашей благодарности, но так устала, что лишь с трудом шевельнула рукой. Тем временем мальчишки сматывали веревку, опуская на землю Оливию.

– Да ты совсем посинела! – воскликнула Эмма, когда Оливия вынырнула из тумана.

Она подпрыгнула, спеша сгрести девчушку в объятия. Оливия вымокла до нитки и так замерзла, что у нее зуб на зуб не попадал. А у нас не было не то что одеял, но даже клочка сухой одежды, в которую ее можно было бы переодеть. Поэтому Эмма начала водить своими вечно горячими ладонями вокруг тела Оливии и

постепенно уняла ее дрожь. Затем она отправила Фиону и Горация собирать щепки и плавник для костра. Ожидая их возвращения, мы столпились вокруг лодок, пытаясь определить, что из вещей, захваченных из дома, нам удалось сохранить, но, к своему унынию, обнаружили, что почти все опустилось на дно моря.

Что у нас осталось, так это одежда, которая была на нас, немного еды в ржавых жестянках и квадратный чемодан Бронвин, размерами напоминающий небольшой танк и, похоже, столь же несокрушимый, а в придачу еще и непотопляемый. Впрочем, он был до неправдоподобия тяжел, и никто, кроме самой Бронвин, не сумел бы даже оторвать его от земли. Мы расстегнули металлические замки в надежде обнаружить что-то полезное, а еще лучше – съедобное. Все, что предстало нашему взгляду, это трехтомный сборник рассказов под названием «Истории о странном и неизведанном», насквозь пропитавшийся морской водой, и красивый коврик для ванной с вышитыми на нем буквами АЛС, инициалами мисс Сапсан.

– О, хвала Создателю! Хоть кто-то прихватил коврик для ванной, – с невозмутимым видом констатировал Енох. – Теперь мы спасены.

Все остальное, включая маленькую карту, которой Эмма воспользовалась, чтобы направить нас в сторону берега, и массивный атлас в кожаном переплете под названием «Карта Дней», предмет особой гордости Милларда, – исчезло. Обнаружив пропажу атласа, Миллард ужасно разволновался.

– Это был один из пяти сохранившихся до наших дней экземпляров, – простонал он. – Ему же цены не было! Не говоря уже о том, что я годами вносил в него свои личные пометки и комментарии!

– По крайней мере, «Истории о странном и неизведанном» все еще с нами, – заметила Клэр, отжимая воду из своих белокурых локонов. – Я ни за что не могу уснуть, пока мне не прочитают вслух одну из этих легенд.

– Что толку от сказок, если мы не можем найти дорогу? – поинтересовался Миллард.

Дорогу куда он собрался искать? – подумал я. Мне вдруг пришло в голову, что мы все очень спешили покинуть остров, но никто и словом не обмолвился о

дальнейших планах. Никто не думал о том, что мы станем делать после того, как переплывем пролив, как будто вероятность того, что мы уцелеем, оказавшись посреди моря в крошечных скорлупках лодок, была ничтожно мала и никто не хотел попусту тратить время. Я поднял глаза на Эмму, ожидая, что она меня в очередной раз подбодрит. Но та с мрачным видом смотрела на уходящую вдаль полосу берега. Пересыпанный камнями песок постепенно сменяли низкие дюны, поросшие раскачивающейся на ветру меч-травой. Дальше начинался лес – непроходимая с виду стена зелени простиралась в обоих направлениях насколько хватало взгляда. С помощью нынче утраченной карты Эмма собиралась привести нас в какой-то портовый город, но, когда на нас обрушился шторм, все, о чем мы могли мечтать, это просто добраться до берега. Никто не мог сказать, насколько мы отклонились от первоначального курса. На этом пустынном берегу не было ни дорог, ни указателей, ни даже тропинок. Нас окружала дикая природа.

Конечно же, на самом деле нам не нужны были ни карты, ни указатели, ни что-либо еще. Мы нуждались только в мисс Сапсан, здоровой, исцелившейся, в той мисс Сапсан, которая наверняка знала бы, куда нам идти и как сделать так, чтобы благополучно туда добраться. Та мисс Сапсан, которая сидела сейчас перед нами на массивном валуне и ерошила перья в попытке обсохнуть, была сломлена, как и ее поврежденное крыло. Я видел, как больно детям видеть ее в таком состоянии. Она заменяла им мать, и именно на нее они привыкли всегда и во всем полагаться. В их маленьком островном мирке она была королевой, но сейчас она не могла ни говорить, ни преобразовывать время, ни даже летать. Они смотрели на нее, страдальчески морщились и отворачивались.

А сама мисс Сапсан не сводила глаз с холодного сизого моря. Глаза ее были черными, суровыми, и в них читалось невыразимое горе.

Я не оправдала вашего доверия, – казалось, говорили они.

* * *

Гораций и Фиона бежали к нам по песку. Ветер трепал волосы Фионы, и они развевались у нее над головой подобно грозовой туче. Гораций обеими руками вцепился в свой цилиндр, пытаясь удержать его на голове. Каким-то образом ему удалось спасти его во время бедствия в море, хотя теперь импозантная шляпа обзавелась вмятиной и напоминала согнутый автомобильный глушитель.

Тем не менее он не желал с ней расставаться, поскольку, по его мнению, она была единственным головным убором, подходящим к его грязному и промокшему, но элегантному костюму.

Они возвращались с пустыми руками.

– Дров нигде нет! – сказал Гораций, когда они остановились рядом с нами.

– А в лесу вы искали? – спросила Эмма, указывая на темную линию деревьев за дюнами.

– Там слишком страшно, – ответил Гораций. – Мы слышали сову.

– С каких это пор вы боитесь птиц?

Гораций пожал плечами и опустил голову. Но Фиона ткнула его локтем, и он как будто опомнился.

– Но мы нашли кое-что другое.

– Убежище? – спросила Эмма.

– Дорогу? – спросил Миллард.

– Гуся, которого можно приготовить к ужину? – спросила Клэр.

– Нет, – покачал головой Гораций. – Воздушные шары.

Все растерянно примолкли.

– Какие еще воздушные шары? – наконец нарушила молчание Эмма.

– Большие такие. В небе. Там еще и люди есть.

Лицо Эммы помрачнело.

– Показывайте.

Все вместе мы отправились туда, откуда они пришли. Взбираясь на невысокую насыпь, которая обнаружилась сразу за крутым изгибом берега, я задавался вопросом – как мы могли проворонить нечто столь очевидное, как воздушные шары. Но когда мы преодолели подъем и огляделись, мне все стало ясно. Это были вовсе не яркие каплевидные шары, которые так любят изображать на календарях и рекламных плакатах с призывом: «Нет предела совершенству!» Вместо них я увидел пару миниатюрных цеппелинов. Под брюхом каждого из этих черных яйцевидных мешков висела клетка, в которой сидел пилот. Дирижабли были совсем небольшими и летели очень низко, по плавной зигзагообразной траектории. Шум прибоя заглушал тихое жужжание их пропеллеров. Эмма толкнула нас в заросли высокой травы, и мы присели, прячась от глаз пилотов.

– Это охотники за подводными лодками, – произнес Енох, отвечая на вопрос прежде, чем кто-то успел задать его вслух. Миллард был признанным авторитетом, когда речь шла о картах и книгах, но Енох разбирался во всем, что имело отношение к войне и армии. – Врага легче всего вычислить с воздуха, – пояснил он.

– В таком случае почему они летят так низко? – поинтересовался я. – И почему над самым берегом, а не над морем?

– Этого я сказать не могу.

– Ты думаешь, что они могут искать… нас? – робко произнес Гораций.

– Ты имеешь в виду, не твари ли они? – вмешался Хью. – Конечно, нет. Твари на стороне немцев. Ты что, забыл, что они были на той немецкой подлодке?

– Твари объединяются со всеми, с кем выгодно объединяться, – отозвался Миллард. – Нет ни малейших оснований для уверенности, что во время войны они не присоединяются к армиям противоборствующих сил поочередно.

Я не мог отвести глаз от странных сооружений в небе. Они выглядели совершенно неестественно и походили на механических насекомых, животы которых раздулись от опухолеподобных яиц.

– Мне не нравится, как они летят, – пробормотал Енох, впившись в дирижабли своим цепким взглядом. – Они осматривают берег, а не море.

– И что же они ищут? – спросила Бронвин.

Впрочем, ответ был настолько очевидным и пугающим, что никто не хотел произносить его вслух.

Они искали нас.

Мы лежали в траве, плотно прижавшись друг к другу, и я ощутил, как напряглось тело Эммы.

– Как только я подам команду, бегите, – прошептала она. – Спрячем лодки, а потом спрячемся сами.

Дождавшись того момента, когда дирижабли повернули в сторону, мы высыпали из травы, надеясь, что до нас еще слишком далеко и пилоты нас не заметят. На бегу я думал, как было бы хорошо, если бы туман, преследовавший нас в море, вернулся и укрыл нас от неприятеля. Мне даже пришло в голову, что этот туман, вполне возможно, уже однажды спас нашу компанию. Если бы не он, эти цеппелины засекли бы нас еще несколько часов назад. Только тогда мы сидели бы в лодках и бежать нам было бы некуда. Выходило так, что остров смог еще раз помочь своим странным детям. Прощаясь с ними, он спас им жизнь.

* * *

Мы быстро потащили лодки по берегу, намереваясь спрятать их в небольшой пещере среди скал. Бронвин израсходовала все свои силы без остатка и с трудом шла сама, не говоря уже о том, чтобы нести лодки. Поэтому все остальные взялись за борта постанывающих лодок, то и дело норовящих зарыться носом в песок. Мы едва успели дойти до середины пляжа, как мисс Сапсан издала предостерегающий крик: из-за дюн вынырнули цеппелины.

Адреналин придал нам сил, и мы стремительно преодолели расстояние, отделявшее нас от пещеры, и забросили в нее лодки, как будто доставив их по рельсам. Мисс Сапсан хромала рядом с нами, волоча сломанное крыло по песку.

Скрывшись в пещере, мы упали рядом с перевернутыми лодками, прислонившись к их килям. Нас окружил сырой мрак, в котором эхом разносилось наше частое и тяжелое дыхание.

– Хоть бы они не успели нас заметить! – вслух взмолилась Эмма.

– О птицы! Наши следы! – воскликнул Миллард.

Сдернув с себя куртку, он выскочил наружу, чтобы замести следы, оставленные лодками на песке. Мы проводили взглядом удаляющиеся отпечатки его ног. Никто, кроме Милларда, покинуть пещеру не смог бы, потому что его тут же заметили бы пилоты дирижаблей.

Минуту спустя он ввалился обратно, дрожащий от холода и облепленный песком. На его груди расплывалось красное пятно.

– Они уже близко, – выдохнул он. – Я сделал все, что мог.

– У тебя снова открылось кровотечение! – заволновалась Бронвин. Накануне ночью во время стычки возле маяка Милларда оцарапала пуля. И хотя рана затягивалась с удивительной скоростью, его выздоровление было далеко не полным. – Что ты сделал с повязкой?

– Я ее выбросил. Она была завязана на такой сложный узел, что снять ее быстро было просто невозможно. Невидимый человек должен раздеваться за одну секунду, иначе от его особенности нет никакого толка!

– Вот упрямый осел! – воскликнула Эмма. – От мертвого невидимого человека пользы еще меньше. А теперь замри и помолчи. Будет больно.

Она зажала два пальца левой руки ладонью правой и сосредоточилась. Когда она разжала ладонь, кончики пальцев горели огнем.

Миллард попятился.

– Слушай, Эмма, я бы не хотел…

Эмма прижала пальцы к его раненому плечу. Миллард ахнул. Послышалось тихое шипение, и от его кожи поднялся легкий дымок. Спустя мгновение кровотечение остановилось.

– У меня останется шрам, – заныл Миллард.

– И что? Кто его увидит?

Он засопел, но больше ничего не сказал.

Пропеллеры дирижаблей жужжали все громче и громче – звук отражался от каменных стен пещеры. Я представил себе, как они зависли прямо над нами и разглядывают наши следы, готовясь к атаке. Эмма прижалась ко мне плечом. Малыши подбежали к Бронвин и зарылись лицами ей в колени. Она обняла их. Несмотря на наши необычные способности, мы чувствовали себя совершенно беззащитными. Мы сидели на полу темной пещеры, ссутулившись и часто моргая, шмыгая носами от холода и надеясь, что враги пролетят мимо.

Наконец гул двигателей начал удаляться. Когда он стих настолько, что мы снова смогли слышать свои голоса, Клэр пробормотала в колени Бронвин:

– Расскажи нам какую-нибудь историю, Вин. Мне страшно, мне все это совершенно не нравится, и я бы лучше послушала сказку.

– Да, расскажи нам что-нибудь, – взмолилась и Оливия. – Что-нибудь из наших «Историй». Я их больше всего люблю.

Бронвин заменяла младшим из странных детей мать даже в большей степени, чем это делала мисс Сапсан. Именно Бронвин поправляла их одеяла перед сном, читала им сказки и целовала в лобики. Ее сильные руки как будто были предназначены для того, чтобы сгребать их всех в теплые объятия, а широкие плечи – для того, чтобы их носить. Но сейчас ей было не до историй, и она прямо об этом сказала.

– Ну почему же, самое время рассказать детям сказку! – иронично протянул Енох. – Только сегодня мы можем обойтись без наших «Историй». Лучше расскажи нам о том, как питомцы мисс Сапсан сумели спастись без карты и еды. И даже пустоты их по пути не съели! Мне не терпится услышать, чем заканчивается эта история.

– Если бы мисс Сапсан могла нам это сказать, – шмыгнула носом Клэр. Высвободившись из объятий Бронвин, она подошла к птице, которая сидела на киле одной из перевернутых лодок. – Что нам делать, директриса? – спросила она. – Пожалуйста, превратитесь обратно в человека! Пожалуйста, очнитесь!

Мисс Сапсан начала ворковать и поглаживать здоровым крылом волосы Клэр. К ним присоединилась Оливия, по лицу которой струились слезы.

– Мисс Сапсан, вы нам нужны! Мы не знаем, что нам делать, нам угрожает опасность, и мы очень проголодались. Нам негде жить, и друзей у нас тоже нет. Вы нам нужны!

Черные глаза мисс Сапсан заблестели. Она отвернулась, будто защищаясь от просьб детей.

Бронвин опустилась перед девочками на колени.

– Она пока не может вернуться, милые. Но мы ее обязательно вылечим, я обещаю.

– Но как?! – воскликнула Оливия.

Этот возглас эхом отразился от каменных стен.

Эмма встала.

– Я расскажу вам как! – произнесла она, и все взгляды обратились к ней. – Мы просто пойдем. – Она произнесла это с такой убежденностью, что у меня даже холодок пополз по спине. – Мы будем идти и идти, пока не дойдем до города.

– А что, если в радиусе пятидесяти километров нет никаких городов? – спросил Енох.

– Значит, мы пройдем пятьдесят один километр. Но я уверена, что нас не могло отнести так далеко в сторону.

– А если твари заметят нас с воздуха? – поинтересовался Хью.

– Не заметят. Мы будем осторожны.

– А если они поджидают нас в городе? – спросил Гораций.

– Мы притворимся нормальными. Никто не обратит на нас внимания.

– Мне это никогда не удавалось, – рассмеялся Миллард.

– А тебя они вообще не увидят, Милл. Ты будешь нашим передовым разведчиком. И еще тебе придется снабжать нас всем необходимым.

– Да, я и в самом деле талантливый вор, – с гордостью заявил он. – Настоящий мастер воровского искусства.

– А что потом? – уныло поинтересовался Енох. – Возможно, нам удастся набить животы, может, мы даже найдем себе какой-то теплый угол, но мы все равно будем уязвимы и беззащитны. У нас нет петли… а мисс Сапсан… она все еще…

– Мы найдем какую-нибудь петлю, – успокоила его Эмма. – Существуют различные отметки и знаки, надо только знать, куда смотреть. А если мы их не обнаружим, то найдем кого-нибудь наподобие нас, со странностями, и он покажет нам вход в ближайшую петлю. И в этой петле будет имбрина, и эта имбрина сможет оказать мисс Сапсан необходимую помощь.

Мне еще не приходилось встречаться с такими самоуверенными людьми, как Эмма. Все в ней излучало убежденность в своих силах: приняв решение, она держалась очень прямо, уперто стискивала зубы, и все ее предложения были утвердительными. Это было заразительно, и я так ею восхищался, что с трудом поборол желание поцеловать ее на виду у всех.

Хью закашлялся, и пчелы посыпались у него изо рта, выстроившись в форме вопросительного знака, который дрожал и менял очертания.

– Как ты можешь быть так в этом уверена? – спросил он.

– Уверена, и все тут.

Она отряхнула ладони, как будто вопрос был исчерпан.

– Это было очень милое выступление, – произнес Миллард, – и мне не хочется все портить, но, насколько нам известно, мисс Сапсан – единственная из имбрин, кому удалось сбежать из плена. Вспомни, что рассказывала мисс Зарянка. Твари уже много недель совершают налеты на петли и похищают имбрин. И это означает, что даже если мы найдем петлю, то не будем знать, на месте ли ее имбрина. Возможно, все петли уже кишат нашими врагами, и это означает, что нам туда путь заказан.

– А вход могут сторожить изголодавшиеся пустоты, – добавил Енох. – И это значит, что нам вообще нельзя туда соваться.

– Нам и незачем туда соваться, – вмешалась Эмма и улыбнулась мне. – Джейкоб предупредит нас заранее.

Я похолодел.

– Я?

– Ты же ощущаешь пустоты на расстоянии, верно? – уточнила Эмма. – Не считая того, что ты их видишь.

– Когда они близко, меня начинает тошнить, – признался я.

– На каком расстоянии это происходит? – спросил Миллард. – Если это всего несколько метров, они вполне могут успеть нас сожрать. Нам нужно, чтобы ты улавливал их присутствие издалека.

– У меня не было возможности проводить испытания, – напомнил им я. – Все это стало для меня полной неожиданностью.

До сих пор я сталкивался только с пустотой, которая служила доктору Голану, – Малтусом, созданием, убившим моего дедушку, а потом едва не погубившим меня в топях Кэрнхолма. Как далеко он находился, когда я впервые ощутил притаившуюся возле моего дома в Инглвуде пустоту? Этого я не знал.

– Это не имеет значения, твой талант можно развивать, – заявил Миллард. – Странности чем-то напоминают мышцы – чем больше ты ими пользуешься, тем мощнее они становятся.

– Это безумие! – возразил Енох. – Вы и в самом деле готовы сделать ставку на него? Да он самый обычный мальчишка, мягкотелый нормальный мальчик, который почти ничего не знает о нашем мире!

– Он не нормальный! – воскликнула Эмма, поморщившись, как будто слова Еноха были ужасным оскорблением. – Он один из нас!

– Вздор! – заорал Енох. – Капля странной крови в его жилах не делает его моим братом. И уж точно она не делает его моим защитником! Мы не знаем, на что он способен. Скорее всего, он и с пятидесяти метров не сможет понять, приближается к нему пустота или у него просто пучит живот!

– Он убил одну из пустот, ты забыл? Проткнул ей глаза ножницами для стрижки овец! Когда ты в последний раз слышал о том, чтобы кто-то из странных людей, да к тому же таких юных, совершил нечто подобное?

– После Эйба такого не было ни разу, – произнес Хью, и при упоминании этого имени дети благоговейно притихли.

– Я слышала, как он убил пустоту голыми руками, – произнесла Бронвин.

– А я слышал, что он убил пустоту при помощи вязальной спицы и мотка бечевки, – добавил Гораций. – Вообще-то мне это приснилось, так что я уверен в том, что все так и было.

– Половина этих рассказов – выдумки, и с каждым годом они становятся все фантастичнее, – возразил Енох. – Тот Абрахам Портман, которого я знал, не сделал ровным счетом ничего, чтобы нам помочь.

– Он был великим странным человеком! – воскликнула Бронвин. – Он отважно сражался за наше дело и убил десятки пустот!

– А потом убежал. И пока мы, как беженцы, прятались в том доме, он колесил по Америке, изображая из себя героя!

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, – вмешалась Эмма, покраснев от гнева. – Все было не так просто.

Енох пожал плечами.

– Как бы то ни было, все это сейчас не имеет значения. Что бы вы ни думали об Эйбе, этому парню до него далеко.

В этот момент я ненавидел Еноха, хотя и не мог винить его за сомнения. Все остальные так хорошо освоились со своими способностями, что я не понимал, как они могут возлагать на меня такие надежды. Ведь я всего несколько дней назад узнал о собственной необычности и еще ничего не успел о себе понять. И то, чей я внук, действительно не имело значения. Я и сам не знал, как пользоваться своим даром.

– Ты прав, я не мой дедушка, – вмешался я. – Я обычный пацан из Флориды. Мне просто повезло, когда я убил ту пустоту.

– Не болтай ерунды, – перебила меня Эмма. – Когда-нибудь ты обязательно станешь таким же убийцей пустот, каким был твой дедушка.

– Хочется надеяться, что это случится скоро, – вставил Хью.

– Это твоя судьба, – заявил Гораций, и то, как это прозвучало, заставило меня заподозрить, что он знает нечто, неизвестное мне.

– Но даже если это не так, – добавил Хью, похлопывая меня ладонью по спине, – кроме тебя, у нас ничего нет, дружище.

– Если это так, да поможет нам всем птица, – вздохнул Енох.

У меня голова шла кругом. Мне казалось, что еще немного, и груз их надежд меня попросту раздавит. Я встал, покачиваясь, и на нетвердых ногах направился к выходу из пещеры.

– Мне нужно подышать свежим воздухом, – произнес я, проталкиваясь мимо Еноха.

– Джейкоб, куда ты? – воскликнула Эмма. – Дирижабли!

Но они уже давно улетели.

– Пусть идет, – проворчал Енох. – Может, нам повезет, и он уплывет обратно в Америку.

* * *

Дойдя до кромки воды, я попытался взглянуть на себя глазами своих новых друзей, увидеть себя таким, каким видели или хотели видеть меня они. Не тем Джейкобом, который когда-то сломал лодыжку, гоняясь за фургоном с мороженым, или который по требованию отца трижды пытался, но так и не сумел попасть в школьную легкоатлетическую команду, куда принимали всех желающих. Мне предстояло стать Джейкобом Повелителем Теней, научиться чудесным образом трактовать тошнотворные ощущения в животе, стать провидцем и убийцей вполне реальных чудовищ и всего того, что может стоять между жизнью и смертью каждого из нашей дружной компании странных детей.

Мне казалось, я никогда не «дотянусь» до своего деда.

Взобравшись на груду камней у самой кромки воды, я замер, надеясь, что сильный ветер высушит мою сырую одежду. Не обращая внимания на стремительно сгущающиеся сумерки, я смотрел на изменчивую поверхность моря, играющую всеми оттенками серого. На фоне неуклонно темнеющего моря и неба время от времени вдали вспыхивал яркий свет. Это маяк Кэрнхолма слал нам свое последнее «прощай».

Мое внимание начало рассеиваться, и я погрузился в сон наяву.

Я вижу человека. Это мужчина средних лет. Его одежда облеплена грязью, и он медленно бредет по острому, как нож, гребню утеса. Его редкие волосы намокли и прилипли к лицу. Ветер раздувает его тонкий пиджак как парус. Он останавливается, затем ложится, опершись на локти. Он поднимает к глазам бинокль, но направляет его не на окружающие бухту скалы, где гнездятся крачки и буревестники, а ниже, на узкий полумесяц пляжа, куда прибой выбрасывает водоросли, коряги и обломки разбитых лодок. По утверждениям местных жителей, иногда здесь находят утопленников.

Этот человек – мой отец. Он ищет то, чего отчаянно не хочет найти.

Он ищет тело своего сына.

Что-то коснулось моего ботинка, и я, вздрогнув, открыл глаза. Уже почти стемнело, я сидел на камнях, поджав колени к груди, а передо мной стояла Эмма.

– Как ты? – спросила она.

Чтобы ответить на этот вопрос, мне понадобилось бы не меньше часа. В моей душе бушевала добрая сотня конфликтующих друг с другом эмоций. Но я так устал и замерз, что говорить мне не хотелось вовсе, поэтому я ограничился тем, что подергал себя за ворот отсыревшего свитера и сказал:

– Все хорошо, я просто пытаюсь высохнуть.

– Я могу тебе в этом помочь, – откликнулась Эмма, усаживаясь рядом со мной. – Дай мне руку.

Я протянул ей одну руку, и Эмма уложила ее себе на колени. Накрыв ладонями рот, она склонила голову к моему запястью. Затем сделала глубокий вдох и медленно выдохнула сквозь пальцы. Тут же по всей моей руке от ладони до плеча разлился обволакивающий, почти обжигающий, но невообразимо приятный жар.

– Терпимо? – спросила она.

Я напрягся, содрогнувшись всем телом, и кивнул.

– Хорошо.

Она снова выдохнула. Еще одна волна горячего блаженства расползлась к моему плечу. Между выдохами Эмма говорила:

– Я надеюсь, тебя не слишком задели слова Еноха. Все остальные верят в тебя, Джейкоб. Енох бывает жутким занудой, особенно когда кому-нибудь завидует.

– Я думаю, что он прав, – покачал головой я.

– Да ну, не может быть. Ты это серьезно?

И тут меня прорвало.

– Я понятия не имею, что я делаю, – заговорил я. – Как можно на меня полагаться? Если я и странный, то, наверное, самую малость. Пожалуй, по сравнению с вами я странный только на четверть.

– Так не бывает, – рассмеялась Эмма.

– Но мой дедушка был гораздо более странным, чем я. Иначе и быть не могло. Он был таким сильным…

– Нет, Джейкоб, – прищурившись, произнесла Эмма. – Ты очень на него похож. Разумеется, ты мягче и сентиментальнее, но все, что ты говоришь… Ты вылитый Эйб, когда он впервые у нас появился.

– Честно?

– Ну да. Он тоже был растерян. Он никогда не встречался со странными людьми. Он не понимал своих способностей и не знал, как ими пользоваться. И если честно, мы тоже. Мы ничем не могли ему помочь. То, что ты делаешь, это большая редкость. Невероятная редкость. Но твой дедушка быстро учился.

– Как? – заинтересовался я. – Где?

– На войне. Он был членом тайной группы странных людей, служивших в британской армии. И одновременно сражался с немцами и с пустотами. За то, чем они занимались, медалями не награждают, но для нас они все были героями, а больше всех – твой дедушка. Жертвы, на которые они шли, отбросили Силы Зла на многие десятилетия назад и спасли жизни множества странных людей.

И все же, – подумал я, – он не смог спасти собственных родителей. Как странно и трагично.

– И вот что я тебе скажу, – продолжала Эмма. – Ты не менее странный, чем он. И такой же смелый.

– Ха, ты просто пытаешься меня утешить.

– Нет, – ответила она, глядя мне в глаза. – Я тебя не утешаю. Ты всему научишься, Джейкоб. Настанет время, когда ты тоже станешь великим истребителем пустот. Более того, ты превзойдешь своего деда.

– Ага, все только и делают, что повторяют это на разные лады. Откуда ты можешь знать?

– Я это чувствую и глубоко в этом убеждена, – ответила Эмма. – Думаю, что иначе и быть не может. Точно так же ты не мог не приехать на Кэрнхолм.

– Я не верю в такие вещи. Судьба. Звезды. Предназначение.

– Я ничего не говорила о предназначении.

– «Иначе и быть не может». Разве это не то же самое? – поинтересовался я. – Предназначение – это что-то из книжек о волшебных мечах. Все это полный вздор. Я здесь, потому что мой дедушка за десять секунд до смерти что-то пробормотал о вашем острове, вот и все. Это была случайность. Я рад, что так получилось, но дед уже бредил. Он с таким же успехом мог пересказать мне список покупок.

– Но он этого не сделал, – с нажимом произнесла Эмма.

Я досадливо вздохнул.

– А если мы отправимся на поиски петель, вы положитесь на меня и мою способность спасти вас от чудовищ и в результате окажетесь в западне – это тоже будет предназначением?

Она нахмурилась и вернула мою руку мне на колени.

– Я ничего не говорила о предназначении, – повторила она. – Я верю в то, что, когда речь идет о важных событиях, случайностям места нет и быть не может. Всему есть свои причины. И тому, что ты находишься здесь, тоже. Ты явился сюда не для того, чтобы потерпеть неудачу и погибнуть.

У меня больше не было сил и желания спорить.

– Ладно, – вздохнул я. – Я думаю, что ты ошибаешься, но очень надеюсь, что ты права.

Я испытывал стыд за те резкости, которые успел ей наговорить, но ведь мне было холодно и страшно, и потому я невольно начал защищаться. У меня бывали моменты слабости, когда уверенность в собственных силах сменялась страхом, и в настоящий момент соотношение страха и уверенности было явно не в пользу последней. Я бы оценил его как три к одному. В те моменты, когда меня охватывал ужас, мне казалось, что меня принуждают к тому, на что я не соглашался. Я не вызывался на передовую в той войне, истинных масштабов которой никто из нас еще осознать не успел. В слове «предназначение» мне чудилось принуждение, а ведь, если мне предстояло шагнуть в гущу битвы с легионом кошмарных созданий, я должен был сделать это по доброй воле.

Хотя в каком-то смысле я уже сделал этот выбор, согласившись отплыть с этими странными детьми навстречу неизведанному. И, если начистоту, неправдой было бы сказать, что я сделал это неохотно. На самом деле я чуть ли не с младенческого возраста мечтал о подобных приключениях. В раннем детстве я верил в предназначение, причем верил безоговорочно, всеми фибрами своей крохотной детской души. Слушая необыкновенные рассказы деда, я ощущал его подобно какому-то необычному зуду в груди. Когда-нибудь его место займу я. То, что сейчас казалось мне принуждением, тогда было обязательством. Обещанием, которое я давал самому себе. Я всерьез намеревался покинуть свой городишко и вести такую же исполненную невероятных приключений жизнь, какую вел мой дед. Я собирался последовать по стопам дедушки Портмана и подобно ему совершить что-то значительное. Он часто говорил мне: «Ты будешь великим человеком. Очень великим человеком». – «Как ты?» – спрашивал я его. «Лучше», – неизменно звучало в ответ.

Я верил ему тогда и хотел верить сейчас. Но чем больше я о нем узнавал, тем более длинную тень отбрасывал его образ. И тем сложнее мне становилось представить себе, что я когда-либо смогу с ним сравняться. Мне начинало казаться, что даже стремление к этому означает самое настоящее самоубийство. Когда я представлял себе попытки встать на тот путь, которым когда-то шел он, перед моим мысленным взором тут же возникал отец, мой бедный, доведенный до отчаяния отец. И прежде чем я успевал избавиться от мыслей о нем, мне приходил в голову вопрос – как великий человек может так ужасно поступить по отношению к тем, кто его любит.

Я начал дрожать.

– Ты замерз! – воскликнула Эмма. – Позволь, я закончу начатое.

Она взяла мою вторую руку и дыханием согрела ее по всей длине – это было нечто невообразимое. Затем Эмма обвила ею свою шею. Я поднял другую руку, соединив ее с первой, и она тоже обвила меня руками. Наши лбы соприкоснулись.

Эмма почти шепотом произнесла:

– Я надеюсь, что ты не жалеешь о своем выборе. Я так рада, что ты здесь, с нами. Я не знаю, что бы я делала, если бы ты ушел. Боюсь, что мне было бы

очень плохо.

Я подумывал о том, чтобы вернуться. Какое-то мгновение я действительно пытался представить себе, как бы все было, если бы мне каким-то образом удалось вернуться домой.

Но у меня ничего не вышло. Я был не в силах этого представить.

– Я не смог бы уйти, – прошептал я.

– Когда мисс Сапсан снова превратится в человека, она сможет отправить тебя обратно. Если ты захочешь.

Я не имел в виду способы возвращения. Все, что я хотел сказать, это: Я не смог бы уйти от тебя. Но произнести эти слова было невозможно. Они отказывались срываться с моих губ. Поэтому я оставил их в себе и просто поцеловал ее.

На этот раз дыхание сбилось у Эммы. Ее ладони взлетели к моим щекам, но замерли на полдороге. От них волнами исходило тепло.

– Прикоснись ко мне, – попросил я.

– Я не хочу тебя обжечь, – отозвалась она.

Но внезапный вихрь искр в моей груди сказал: Мне все равно, и я взял ее пальцы и провел ими по своей щеке. Мы оба ахнули. Ее пальцы были горячими, но я не отстранился. Я боялся, что она больше не захочет ко мне прикасаться. А потом наши губы снова встретились, мы долго целовались, и ее необычайное тепло струилось по моему телу.

Мои глаза закрылись, и окружающий мир померк.

Если моему телу было холодно в ночном тумане, я этого не ощущал. Если море ревело в моих ушах, я его не слышал. Если камень, на котором я сидел, был острым и твердым, я этого не заметил. Все за пределами наших объятий утратило смысл.

Вдруг в темноте раздался грохот, но я также не обратил на него внимания, будучи не в силах оторваться от Эммы. Но звук повторился, к нему присоединился ужасающий скрежет металла, и по нам скользнул луч ослепительного света. И закрыться от него уже было невозможно.

Маяк, – подумал я. – Маяк падает в море. Но маяк был крошечной булавочной головкой света вдалеке, а вовсе не слепящей вспышкой, похожей на упавшее в воду солнце. Кроме того, луч маяка устремлялся лишь в одном направлении, а не блуждал из стороны в сторону, обшаривая берег.

Это был вовсе не маяк. Это был прожектор, неуклонно приближающийся к берегу со стороны моря.

Это был прожектор подлодки.

* * *

Последовало мгновение парализующего ужаса, разъединившего мысли с телом. Мои глаза и уши засекли приближение субмарины: металлическое чудовище поднималось на поверхность моря, вода с шумом лилась с его боков, а из открытых люков на верхнюю палубу выскакивали люди. Они что-то кричали и обрушивали на нас снопы света. А затем импульс к действию наконец достиг моих ног, и мы соскользнули с камней, скатившись вниз, и бросились бежать, как будто за нами гнались все чудовища ада.

Прожектор светил нам в спину, и наши дергающиеся тени рассекали пляж жутковатыми десятифутовыми монстрами. Пули засвистели в воздухе и изрешетили песок.

Из громкоговорителей загремел голос:

– ОСТАНОВИТЕСЬ! НЕ БЕГИТЕ!

Мы ворвались в пещеру с криками:

– Они нас догнали, они здесь, вставайте, вставайте!

Но дети слышали шум и были уже на ногах. Все, кроме Бронвин, которая так устала в море, что крепко уснула, прислонившись к стене пещеры, и разбудить ее никак не удавалось. Мы трясли ее и кричали ей в лицо, но она только стонала и отмахивалась от нас неуклюжими взмахами рук. В конце концов нам пришлось обхватить ее за талию и поставить на ноги. Мне почудилось, что мы пытаемся поднять гору кирпичей, но как только стопы Бронвин уперлись в землю, ее воспаленные веки распахнулись, и она встала на ноги сама.

Мы сгребли свои вещи, радуясь тому, что их так мало. Эмма подхватила на руки мисс Сапсан. Все выбежали наружу и ринулись к дюнам. На бегу я слышал плеск воды и видел черные силуэты людей, преодолевающих последние футы до берега. В высоко поднятых над головой руках они держали автоматы.

Миновав редкую рощицу раскачивающихся на ветру деревьев, мы оказались в непроходимом лесу. Нас окутал непроглядный мрак. Луну, которую уже и без того начинали заслонять облака, окончательно скрыли стволы деревьев, и ее бледное зарево было не в состоянии пробиться сквозь сплетение ветвей. У нас не было времени привыкать к этой темноте или выбирать дорогу. У нас вообще ни на что не было времени, и нам оставалось только бежать, задыхаясь и вытянув руки, спотыкаясь и с трудом уворачиваясь от внезапно вырастающих на нашем пути стволов.

Спустя несколько минут мы остановились и, тяжело дыша, прислушались. Откуда-то сзади до нас по-прежнему доносились голоса. Только теперь к ним добавились и другие звуки. Лай собак.

Мы снова бросились бежать.

Глава третья

Мне показалось, что мы бежали по черному лесу несколько часов. Я не видел ни луны, ни звезд, которые помогли бы нам определить ход времени. Крики людей и лай собак окружали нас, угрожая непонятно откуда – со всех сторон. Чтобы сбить собак со следа, мы вошли в ледяной ручей и шли по нему, пока наши ноги не занемели от холода. Когда мы выскочили на берег, нам показалось, что мы бредем на обрубках ног, и каждый шаг причинял мучительную колющую боль.

Наши силы были на исходе. Кто-то застонал в темноте. Оливия и Клэр не успевали за остальными, и Бронвин подхватила их на руки. Но после этого начала отставать уже она. Наконец, когда Гораций споткнулся о торчащий из-под земли корень и растянулся на земле, моля о передышке, мы все остановились.

– Эй ты, ленивый придурок, хватит валяться! – зашипел на него Енох.

Но сам он тоже задыхался и был вынужден прислониться к стволу, чтобы восстановить дыхание. Сил на то, чтобы ссориться с Горацием, у него явно не осталось.

Впрочем, сил на дальнейшее бегство не осталось ни у кого. Мы дошли до предела и нуждались в отдыхе.

– Смысла бегать кругами в этой темноте все равно нет, – прошептала Эмма. – Мы вполне можем прибежать туда, откуда выбежали.

– Когда рассветет, нам будет легче найти дорогу в этом лесу, – поддержал ее Миллард.

– При условии, что мы доживем до рассвета, – буркнул Енох.

Уже некоторое время накрапывал небольшой дождик. Фиона соорудила для нас укрытие, убедив окружающие деревья соединить над нами нижние ветви. Она поглаживала их кору и что-то нашептывала стволам, пока ветви не переплелись, образовав непроницаемый покров на высоте, достаточной для того, чтобы сидеть под ним. Мы заползли в этот шалаш и легли на землю, прислушиваясь к шороху дождя и отдаленному лаю собак. Где-то в лесу на нас продолжали охотиться вооруженные люди.

Я не сомневался в том, что, оставшись наедине со своими мыслями, каждый из нас задавался вопросом: что случится с нами, если нас поймают.

Клэр начала плакать. Вначале ее всхлипывания были совсем тихими, но постепенно становились все громче, пока оба ее рта не взревели во весь голос.

– Возьми себя в руки! – шикнул на нее Енох. – Они тебя услышат, и тогда причины плакать появятся у всех нас!

Бронвин подползла к ней и сгребла малышку в медвежьи объятия.

– Прошу тебя, Клэр! Подумай о чем-нибудь хорошем!

– Я пы-пытаюсь! – причитала Клэр.

– Пытайся лучше!

Клэр крепко зажмурилась, сделала глубокий вдох и сдерживала дыхание, пока не стала похожей на раздувшийся воздушный шар, готовый лопнуть. Выдохнув, она зашлась в приступе рыданий вперемешку с кашлем, который оказался еще громче недавнего плача.

Енох зажал ладонями ее рты.

– Ш-ш-ш-ш-ш! – зашипел он.

– Пра-пра-простите! – икала и всхлипывала Клэр. – Мо-может, если бы мне рассказали сказку… одну из наших «И-историй»…

– Только не это! – запротестовал Миллард. – Я начинаю жалеть, что мы не потеряли эти чертовы книги в море вместе со всем остальным!

Но тут вмешалась мисс Сапсан – насколько она могла это сделать – запрыгнув на сундук Бронвин и постучав по нему клювом. В чемодане, вместе с нашими скудными пожитками, лежали «Истории».

– Я поддерживаю мисс С., – заявил Енох. – Думаю, стоит попробовать. Я готов на все, лишь бы прекратить этот рев!

– Ну хорошо, малышка, – согласилась Бронвин. – Но только одну сказку. И ты должна пообещать, что перестанешь плакать!

– Я о-о-обещаю! – шмыгнула носом Клэр.

Бронвин открыла чемодан и извлекла из него раскисший том «Историй о странном и неизведанном». Эмма подобралась поближе и зажгла крохотный язычок пламени на кончике пальца. Мисс Сапсан, которой, видимо, не терпелось утихомирить Клэр, клювом раскрыла книгу на будто бы первой попавшейся главе. Бронвин начала негромко читать:

– «Много странных лет тому назад в дремучем древнем лесу жили-были животные. Их было очень много, и среди них, как и в любом другом лесу, были кролики, олени и лисы. Но также были среди них и довольно редкие звери, такие как свирепые ходулелапые медведи, двухголовые рыси и говорящие эму-рафы. Эти странные животные были излюбленной мишенью для охотников, которые обожали отстреливать их, развешивать на стенах их шкуры и хвастаться ими перед своими друзьями-охотниками. Но еще больше им нравилось продавать их содержателям зоопарков, которые запирали зверей в клетки и за деньги позволяли глазеть на них всем желающим. Вам может показаться, что гораздо лучше быть запертым в клетке, чем застреленным и повешенным на стену, но странные создания не могут быть счастливы в неволе. Очень скоро они падают духом и начинают завидовать тем из своих друзей, кто угодил на стену».

– Это грустная история, – зароптала Клэр. – Читай другую.

– Мне она нравится, – заявил Енох. – Хочу еще послушать об убитых животных на стенах.

Не обращая на них внимания, Бронвин продолжала читать:

– «Тогда, как и в незапамятные времена, по земле все еще бродили великаны, хотя их численность сократилась, а размеры неуклонно уменьшались. И так уж вышло, что один из этих великанов жил неподалеку от нашего леса. Он был очень добрым и воспитанным и питался только растениями. Его звали Кутберт. Однажды Кутберт пошел в лес за ягодами и увидел охотника, преследующего эму-рафа. По доброте душевной Кутберт поднял эму-рафа за загривок и, выпрямившись во весь рост и даже привстав на цыпочки, что делал крайне редко, потому что от этого у него хрустели все его старые кости, поставил нашего эму-рафа на вершину горы, где тому больше не угрожала опасность. Этого ему показалось недостаточно, и он растер охотника между пальцами ног.

Слава о доброте Кутберта разнеслась по лесу, и скоро к нему повадились ходить странные животные, осаждавшие его просьбами поднять их на вершину горы подальше от опасности. И Кутберт отвечал им:

– Я спасу вас, мои маленькие братья и сестры. Все, о чем я прошу взамен, это чтобы вы разговаривали со мной и дружили со мной. В мире осталось очень мало великанов, и я часто чувствую себя одиноко.

– Конечно, Кутберт, мы так и сделаем, – отвечали ему странные звери.

Итак, Кутберт каждый день спасал все новых и новых странных зверей, поднимая их на вершину горы, пока там не образовался целый странный зверинец. Животные были счастливы, потому что наконец-то могли жить в мире и покое. Кутберт тоже был счастлив, потому что мог, привстав на цыпочки и опершись подбородком о вершину горы, беседовать со своими новыми друзьями сколько ему вздумается. Но однажды утром к великану явилась ведьма. Кутберт купался в озере в тени горы, когда она заявила:

– Прости, но я должна превратить тебя в камень.

– Зачем тебе это понадобилось? – спросил великан. – Я очень добрый. Я великан-помощник.

И она ему ответила:

– Меня наняла семья раздавленного тобой охотника.

– А-а, – отозвался Кутберт, – а я о нем и забыл.

– Мне очень жаль, – повторила ведьма, взмахнула березовой веткой, и добрый великан начал превращаться в камень.

Кутберт стал очень тяжелым. Таким тяжелым, что стал погружаться в озеро. Он погружался и погружался, пока вода не достигла его подбородка. Его друзья-животные видели все, что происходит. Они пришли в ужас, но решили, что ничем не могут ему помочь.

– Я знаю, что вы не можете меня спасти, – закричал Кутберт своим друзьям, – но вы могли бы прийти и поговорить со мной! Я застрял тут внизу, и мне очень одиноко!

– Но если мы спустимся, охотники нас перестреляют! – крикнули в ответ они.

Кутберт понимал, что они правы, но все равно продолжал умолять их спуститься.

– Поговорите со мной! – кричал он. – Прошу вас, придите и поговорите со мной!

Но они так и не пришли. И он все еще плакал, когда его горло окаменело, как и все остальное тело». Конец истории.

Бронвин закрыла книгу.

Клэр испуганно посмотрела на нее.

– И это все?

Енох засмеялся.

– Это все, – ответила Бронвин.

– Это ужасная история, – заявила Клэр. – Расскажи мне другую!

– Какая есть, – ответила Эмма. – А сейчас пора спать.

Клэр надулась, но плакать перестала, так что цель была достигнута.

– Вряд ли завтра нам будет легче, чем сегодня, – заметил Миллард. – Нам необходимо набраться сил.

Мы нащипали пучков пружинистого мха вместо подушек. Прежде чем позволить нам сунуть их себе под головы, Эмма высушила их ладонями. Одеял у нас не было, и, чтобы согреться, мы прижались друг к другу. Бронвин обняла малышек,

Фиона переплелась с Хью, из открытого рта которого все время вылетали пчелы, даже ночью охранявшие своего спящего хозяина. Гораций и Енох отвернулись в разные стороны, едва соприкасаясь спинами, – дрожа от холода, они так и не сумели превозмочь гордость, не позволявшую им прижаться друг к другу теснее. Я лежал на спине, а Эмма легла на бок, устроив голову у меня на груди. Она была так близко, что я мог поцеловать ее лоб в любую секунду. И я обязательно сделал бы это, если бы не убийственная усталость. Эмма была горячей, как электрическое одеяло, и я стремительно провалился в сон, исполненный приятных незапоминающихся сновидений.

Я никогда не запоминаю хорошие сны, зато плохие долго не могу выбросить из головы.

Однако с учетом всех обстоятельств, чудом было уже то, что мне вообще удалось уснуть. Мы были вынуждены спасаться бегством, спать на земле в лесу, где нам со всех сторон грозила смерть, и тем не менее в объятиях Эммы я смог обрести покой.

Наш сон охраняла мисс Сапсан, и ее черные глаза поблескивали в темноте. Травмированная и крохотная, она все равно оставалась нашим опекуном.

Сильно похолодало, и Клэр начала дрожать и кашлять. Бронвин растолкала Эмму и прошептала:

– Мисс Блум, вы нужны этой малышке. Боюсь, что она заболела.

Эмма шепотом извинилась передо мной и, выскользнув из моих объятий, поспешила на помощь Клэр. Я ощутил укол ревности, и мне тут же стало стыдно за то, что я ревную к заболевшему другу. Я лежал в одиночестве, борясь с неоправданным чувством брошенности и глядя куда-то в кромешную тьму. Еще никогда в жизни я не испытывал такой усталости, но уснуть мне больше не удавалось. Вокруг меня ворочались и постанывали дети. Им снились кошмары, но настоящий кошмар ожидал нас по пробуждении. Постепенно мрак начал отступать, как будто кто-то слой за слоем снимал с окружающего мира черную краску, и совершенно незаметно небо окрасилось в нежно-голубой цвет.

* * *

На рассвете мы выползли из своего убежища. Я отряхнул мох с волос и попытался отчистить грязь с брюк, но мне удалось только размазать ее еще сильнее, из-за чего я окончательно уподобился какому-то болотному созданию, изрыгнутому недрами земли. Меня терзал безумный голод. Казалось, мой желудок принялся жевать сам себя. И после гребли, бега и ночевки на земле у меня болело все, что только могло болеть. К счастью, не все было так плохо: за ночь дождь перестал, и воздух начал быстро прогреваться. Кроме того, нам явно удалось оторваться от тварей и их собак. Во всяком случае, пока. Либо их псы перестали лаять, либо находились слишком далеко и мы их не слышали.

Зато мы безнадежно заблудились. Оказалось, что пробираться по этому лесу днем ничуть не легче, чем в темноте. Густые ели разбредались во все стороны и выглядели совершенно одинаково, куда бы мы ни посмотрели. Землю укрывал сплошной ковер из опавших листьев и хвои, он прятал любые следы, которые мы могли оставить накануне. Одним словом, мы проснулись посреди зеленого лабиринта без карты и компаса, а сломанное крыло мисс Сапсан означало, что она не могла повести нас, взлетев над деревьями. Енох предложил поднять над деревьями Оливию, как мы сделали это в тумане на море, но у нас не было веревки, и, если бы она улетела в небо, мы уже никогда не сумели бы ее вернуть.

Клэр была больна и чувствовала себя все хуже. Она лежала, свернувшись калачиком, на коленях Бронвин, и на ее лбу, несмотря на холодную погоду, выступила испарина. Девочка была такой худенькой, что даже сквозь платье я мог бы пересчитать ее ребра.

– Как она? – спросил я.

– У нее жар, – ответила Бронвин, прижимая ладонь к щеке малышки. – Ей нужны лекарства.

– Сначала необходимо найти выход из этого проклятого леса, – заметил Миллард.

– Сначала необходимо поесть, – возразил Енох. – А пока будем есть, обсудим наши возможности.

– Какие возможности? – спросила Эмма. – Мы можем пойти куда захотим. Выбирай, разницы нет никакой.

Мы сидели и жевали в угрюмом молчании. Я никогда не пробовал собачий корм, но уверен, то, что нам досталось, было гораздо хуже – коричневатые кусочки застывшего животного жира из ржавых консервных банок. За неимением ложек мы выуживали их пальцами.

– Я взял с собой пять засоленных куропаток и три банки фуа-гра с корнишонами, – с горечью заметил Гораций, – но уцелело почему-то вот это. – Он зажал нос и уронил желеобразный комок себе в горло, даже не пытаясь его жевать. – Мне кажется, это расплата.

– За что? – поинтересовалась Эмма. – Мы были настоящими ангелочками. Если не все, то почти все.

– Возможно, за грехи прошлых жизней. Я не знаю.

– У странных людей нет прошлых жизней, – вмешался Миллард. – Мы проживаем их все одновременно.

Мы быстро поели, закопали пустые жестянки и огляделись вокруг, решая, куда идти. Но не успели сделать и шагу, как из зарослей кустов выскочил Хью. Вокруг его головы облачком вились встревоженные пчелы, а сам он тяжело дышал от волнения.

– А ты где был? – изумился Енох.

– Я нуждался в уединении, чтобы уделить внимание утреннему… неважно чему, – отозвался Хью, – и я увидел…

– Кто позволил тебе покинуть пределы видимости? – не унимался Енох. – Мы чуть не ушли без тебя!

– Не у тебя ли я должен был спрашивать позволения? – огрызнулся Хью. – Как бы то ни было, я увидел…

– Ты не имеешь права просто так брать и уходить! Ты мог заблудиться!

– Мы и так заблудились.

– Ты кретин! Что, если бы ты не нашел обратную дорогу?

– Я оставил за собой дорожку из пчел. Я всегда так делаю…

– Дай же ему наконец закончить! – не выдержала Эмма.

– Спасибо, – кивнул ей Хью, а затем обернулся и показал туда, откуда пришел. – Я видел воду. Много воды, вон там, за деревьями.

Эмма помрачнела.

– Мы пытаемся уйти от моря, а не вернуться к нему. Наверное, ночью мы шли по кругу.

Хью повел нас туда, откуда пришел. Бронвин несла на плече мисс Сапсан, а на руках бедняжку Клэр. Мы не прошли и ста ярдов, как за деревьями заблестела серая водная гладь.

– О, это слишком ужасно! – застонал Гораций. – Убегая от тварей, мы вернулись прямо к ним в руки!

– Но я не слышу никаких солдат, – возразила Эмма. – Более того, я вообще ничего не слышу. Даже шума океана.

– Да никакой это не океан! – воскликнул Енох и бросился бежать к воде.

Когда мы его догнали, он уже стоял на мокром песке и оглядывался на нас с довольной ухмылкой, в которой явственно читалось: «А что я вам говорил?» Он оказался прав – это было не море. Перед нами раскинулось серое озеро с поросшими лесом берегами. Над идеально гладкой поверхностью воды клубился туман. Но его самой примечательной чертой было нечто, на что я не сразу обратил внимание. После того как Клэр указала на огромную скалу, выступающую из воды совсем неподалеку от нас, я скользнул по ней взглядом.

Но и этого оказалось недостаточно. И лишь присмотревшись внимательно, я понял, что этот зловещий темный камень мне что-то напоминает.

– Это великан из истории! – воскликнула Клэр, показывая на скалу. – Это Кутберт!

Бронвин, по-прежнему несшая ее на руках, погладила малышку по голове.

– Тс-с, милая, у тебя жар.

– Не болтай ерунды, – фыркнул Енох. – Это самая обычная скала.

Но эта скала явно не была обычной. Хотя ветер и дождь несколько сгладили ее черты, она и в самом деле очень походила на великана, который по самую шею погрузился в озеро. Я отчетливо видел его голову, нос, шею и даже кадык. Низкорослые деревья на вершине скалы напоминали всклокоченную шевелюру. Но самым пугающим было положение этой головы. Она была откинута назад, а рот великан открыл в безмолвном крике. Казалось, как и в истории, которую мы слушали накануне вечером, его голова превратилась в камень, призывая на помощь друзей, находящихся на вершине горы.

– Посмотрите туда! – воскликнула Оливия, показывая на скалистое возвышение вдалеке. – Должно быть, это и есть гора Кутберта!

– Великаны существуют на самом деле, – восхищенно прошептала Клэр. – И все, что рассказывается в «Историях», это правда!

– Давайте не будем делать поспешных и нелепых заключений, – предложил Енох. – Вероятно, того, кто написал легенду, прочитанную нами вчера вечером, вдохновил вид скалы, очертаниями похожей на человеческую голову. Или вы считаете, что эта скала и в самом деле когда-то была великаном?

– Ты все всегда высмеиваешь, – возразила Оливия. – А я верю в великанов, даже если ты считаешь их выдумкой.

– «Истории» – это просто истории, и не более того, – проворчал Енох.

– Забавно, – подал голос я, – но именно так я думал о вас, пока с вами не познакомился.

Оливия засмеялась.

– Джейкоб, какой же ты глупый! Ты и в самом деле не верил в то, что мы существуем?

– Конечно. И я продолжал так думать еще некоторое время даже после того, как мы познакомились. Мне казалось, что я просто схожу с ума.

– Существуют великаны или нет, но это удивительное совпадение, – напомнил всем Миллард. – Только вчера вечером мы прочитали этот рассказ и уже наутро набрели на то самое место, которое вдохновило автора. Мне это представляется просто невероятным.

– Я не думаю, что это совпадение, – откликнулась Эмма. – Не забывайте, что мисс Сапсан сама открыла книгу. Должно быть, она выбрала эту легенду с какой-то целью.

Бронвин повернула голову к сидящей на ее плече птице и спросила:

– Мисс С., мы угадали? Что вы хотели нам сказать?

– Это должно что-то означать, – настаивала Эмма.

– Ну конечно, – неожиданно поддержал ее Енох. – Это означает, что мы должны вскарабкаться на ту гору. Возможно, с нее мы увидим, как нам выбраться из этого леса!

– Я хотела сказать, что история что-то означает, – покачала головой Эмма. – Чего хотел великан? О чем он постоянно просил?

– Он хотел, чтобы с ним поговорили! – как примерная ученица, отозвалась Оливия.

– Вот именно, – кивнула Эмма. – Поэтому, если он хочет поговорить, давайте выслушаем, что он может нам сказать.

С этими словами она вошла в воду.

Мы растерянно смотрели ей вслед.

– Куда это она? – спросил Миллард.

Мне показалось, что он обращается ко мне, и я пожал плечами и покачал головой.

– За нами гонятся твари! – закричал Енох. – Мы безнадежно заблудились! Что, птицы ради, ты вытворяешь?

– Я веду себя странно! – закричала в ответ Эмма.

Прошлепав через отмель к подножию скалы, она взобралась на нижнюю челюсть великана и заглянула в его открытый рот.

– Ну и что там? – спросил я. – Что ты там видишь?

– Я не знаю, – последовал ответ. – Но, похоже, тут какой-то тоннель, и он уходит вглубь. Взгляну-ка я на него поближе!

– Ты бы лучше слазила вниз, пока что-нибудь себе не сломала! – закричал Гораций. – Ты заставляешь всех нас тревожиться!

– Тебя все тревожит, – заметил Хью.

Эмма подняла камень и бросила его в глотку великану, внимательно прислушиваясь к звуку падения.

– Я думаю, это может быть… – начала говорить она, но поскользнулась на мелкой гальке, и ее последнее слово мы не расслышали.

К счастью, она успела схватиться за камни, и это спасло ее от падения вниз.

– Осторожно! – закричал я и с бешено бьющимся сердцем бросился ей на помощь. – Держись, я сейчас!

Расплескивая во все стороны воду, я забежал в озеро.

– Это может быть – что?! – крикнул Енох.

– Существует только один способ это узнать! – взволнованно отозвалась Эмма и начала спускаться в рот великана.

– О боже, – прошептал Гораций. – Она собирается…

– Подожди! – снова закричал я, но Эмма уже исчезла в горле Кутберта.

* * *

Вблизи великан оказался еще больше, чем выглядел с берега. Заглянув в его глубокую темную глотку, я готов был поклясться, что слышу его дыхание. Сложив ладони вокруг рта, я громко позвал Эмму, но в ответ услышал лишь эхо собственного голоса. Все остальные уже тоже вошли в воду, но дожидаться их я не мог, опасаясь, что Эмма попала в беду и нуждается в помощи. Поэтому я стиснул зубы, опустил ноги в темноту и разжал пальцы.

Падал я очень долго. Не меньше секунды. Затем раздался плеск, и я угодил в воду, такую холодную, что я непроизвольно ахнул, ощущая, как все мои мышцы свело судорогой. Мне пришлось напомнить себе, что если я не буду барахтаться, то попросту пойду на дно. Я находился в темной узкой пещере, заполненной водой. Дороги назад, то есть вверх по длинному и гладкому горлу великана, не было. Оглядевшись, я не увидел ни веревки, ни лестницы, ни даже выступов в каменных стенах пещеры. Я снова позвал Эмму, но ее нигде не было.

О боже, – подумал я, – она утонула!

Но тут что-то защекотало мои руки, и поверхность воды вокруг меня покрылась пузырьками. Мгновение спустя рядом со мной, тяжело дыша, вынырнула Эмма.

Освещение было очень тусклым, но мне показалось, что с ней все в порядке.

– Чего ты ждешь? – спросила она, хлопая по воде ладонью, как будто приглашая меня нырнуть вместе с ней. – Пошли!

– Ты сошла с ума? – поинтересовался я. – Мы угодили в ловушку!

– Никакая это не ловушка! – заявила она.

Сверху донесся голос Бронвин:

– Э-ге-гей! Я вас слышу! Что там у вас?

– Я думаю, это вход в петлю! – крикнула в ответ Эмма. – Скажи всем, пусть прыгают. Не бойтесь, мы с Джейкобом встретим вас на другой стороне!

Затем она схватила меня за руку, и, все еще не понимая, что происходит, я сделал глубокий вдох и позволил ей увлечь себя под воду. Энергично работая ногами, мы подплыли к отверстию размером со взрослого человека, сквозь которое виднелся дневной свет. Она втолкнула меня внутрь и двинулась за мной. Мы проплыли по тоннелю футов десять длиной и оказались в озере. Над нашими головами виднелась волнистая поверхность воды, а еще выше – голубое небо. По мере того как мы поднимались, вода становилась заметно теплее. Хватая ртами воздух, мы вынырнули, и я тут же ощутил, что погода изменилась. Теперь было жарко и душно, а раннее утро сменилось знойным полднем. Изменилась и глубина озера. Теперь вода доходила великану до самого подбородка.

– Вот видишь? – улыбнулась Эмма. – Это уже совсем другое время.

Вот так мы и оказались в петле, покинув тихое утро 1940-го года ради жаркого полудня в каком-то другом, более раннем году, хотя понять, какой именно это

был год, здесь, посреди леса, вдали от цивилизации, не представлялось возможным.

Остальные дети по очереди выныривали из озера вокруг нас. Увидев, как изменился мир, они приходили к своим собственным заключениям.

– Вы понимаете, что это означает? – визжал Миллард. Разбрызгивая воду, он плавал кругами, задыхаясь от волнения. – Это означает, что в «Историях» скрыто тайное знание.

– Выходит, не такие уж они и бесполезные? – съязвила Оливия.

– О, как же мне не терпится их изучить и сделать свои пометки! – отозвался Миллард, потирая ладони.

– Не вздумай писать что-нибудь в моей книге, Миллард Наллингс! – угрожающе произнесла Бронвин.

– Но что это за петля? – хотел знать Хью. – Кто, по-вашему, здесь живет?

– Разумеется, животные, друзья Кутберта, – откликнулась Оливия.

Енох закатил глаза, но удержался и не объявил вслух: Это всего лишь легенда! Возможно, этот скептик уже сомневался.

– У каждой петли есть имбрина, – заявила Эмма. – Это правило касается даже загадочных петель из волшебных сказок. Поэтому нам нужно ее найти.

– Отличная идея, – согласился Миллард. – Где будем искать?

– Единственное место, которое упоминается в истории, не считая озера, это вон та гора, – произнесла Эмма, показывая на вздымающиеся за деревьями утесы. – Кто готов карабкаться на скалы?

Мы все устали и проголодались, но обнаружение петли придало нам сил. Оставив каменного великана позади, мы снова вошли в лес, направляясь к подножию горы. Вскоре мы набрели на хорошо утоптанную извилистую тропинку

и начали подниматься наверх, пробираясь между зарослями косматых елей. Местами тропа становилась такой крутой, что нам приходилось взбираться на четвереньках, хватаясь за что попало, чтобы продолжать движение вперед.

– Я надеюсь, что в конце этого пути нас ждет что-нибудь чудесное, – бормотал Гораций, утирая пот со лба. – Джентльменам не пристало потеть!

Тропа сузилась, теперь это был узкий карниз, по одну сторону которого вздымалась отвесная каменная стена, а по другую разверзалась пропасть. Далеко внизу раскинулся зеленый ковер из верхушек деревьев.

– Прижимайтесь к стене, – предостерегла всех Эмма. – Падать очень высоко.

Одного взгляда вниз оказалось достаточно, чтобы у меня закружилась голова. Внезапно мне показалось, что у меня жуткая боязнь высоты, от которой все внутренности завязались в тугой узел. Все мои силы и внимание теперь уходили только на то, чтобы просто переставлять ноги.

Эмма коснулась моей руки.

– С тобой все в порядке? – шепотом поинтересовалась она. – Ты очень бледен.

Я солгал, заверив ее, что со мной все отлично. Моего притворства хватило на три изгиба тропы. К этому моменту мое сердце безудержно колотилось, а колени дрожали так сильно, что мне пришлось опуститься на землю, прямо посреди узкой тропы, заставив остановиться всех, кто шел за мной.

– О боже, – прошептал Хью. – Джейкоб ломается.

– Я не понимаю, что со мной, – пробормотал я.

Я никогда не боялся высоты, но сейчас не решался взглянуть вниз даже краем глаза, потому что у меня в животе тут же все переворачивалось.

Мне в голову закралось жуткое подозрение: что, если меня мучает не страх высоты, но ощущение приближающихся пустот?

Однако это было невозможно, потому что мы находились внутри петли, куда пустоты доступа не имели. И тем не менее, чем пристальнее я прислушивался к ощущению у меня в животе, тем больше убеждался в том, что меня тревожит не сам обрыв, а нечто, скрывающееся внизу.

Я должен был в этом убедиться.

Дети взволнованно гудели, наперебой спрашивая меня, что случилось, в порядке ли я. Я отключился от их голосов, стал на четвереньки и подполз к краю тропы. Чем ближе я подбирался к обрыву, тем болезненнее становились ощущения в животе. Казалось, кто-то изнутри раздирает мои кишки в клочья. Когда до края оставалось несколько дюймов, я лег на живот, обхватил пальцами каменный козырек и, подтянувшись вперед, заглянул в пропасть.

Моим глазам потребовалось одно мновение, чтобы засечь пустоту. Вначале я увидел лишь какое-то мерцание над шершавым гранитным склоном. Больше всего это походило на волны воздуха над горячим капотом автомобиля. Какое-то едва заметное искажение действительности.

Именно так воспринимали их обычные люди. Да и странные тоже. Одним словом, все, кто не был наделен такими способностями, как я.

Да, я вдруг ощутил, что мои странные способности включаются и набирают силу. Бурлящее ощущение в животе свернулось в узел и сосредоточилось в одной точке острой боли. А потом эта боль каким-то непостижимым образом обрела направление, вытянувшись из точки в линию. Эта линия подобно стрелке компаса устремилась по диагонали к переменчивому пятну в сотне ярдов ниже козырька и чуть левее того места, где я лежал. Дрожащее мерцание на глазах сливалось в плотную черную массу. В моем поле зрения возникло прильнувшее к склону горы гуманоидное существо из щупалец и теней.

И тут оно осознало, что я его вижу, и все его ужасное тело напряглось. Скорчившись на уступе скалы, оно распахнуло свой жуткий рот и испустило оглушительный вопль.

Моим друзьям незачем было объяснять, что я вижу. Этого звука было достаточно.

– Пустота! – закричал кто-то из них, зря растрачивая время на констатацию очевидного.

– Бежим! – подхватили остальные.

Я отполз от края, и меня тут же подхватили и поставили на ноги. Мы бросились бежать всей толпой, но не вниз по склону, а наверх, углубляясь в неведомое, вместо того чтобы вернуться на равнину, к выходу из петли. Впрочем, возвращаться было поздно. Я почувствовал, как пустота оттолкнулась от валуна и карабкается по склону. Но она не гналась за нами, а напротив, удалялась, рассчитывая отрезать нам путь в случае, если мы попытаемся пробежать мимо, спускаясь с горы. Таким образом, позади нас теперь поджидала западня.

Для меня это были совершенно незнакомые ощущения. Прежде я воспринимал пустот только глазами, но теперь я чувствовал внутри себя что-то, похожее на стрелку компаса. Сейчас она показывала назад, и я как будто воочию видел жуткое существо, карабкающееся по едва ли не отвесной стене. Казалось, увидев пустоту, я взглядом прицепил на нее нечто вроде приводного радиомаяка. Зато мой внезапно возникший страх высоты исчез.

Мы обогнули скалу, и перед нами выросла гладкая гранитная стена не менее пятидесяти футов в высоту. Тропа закончилась, и, куда бы мы ни обернулись, со всех сторон нас окружала пропасть. На стене не было ни лестницы, ни выступов, за которые можно было бы цепляться руками или опираться ногами. Мы отчаянно искали какой-то другой способ подняться наверх – тайный проход в скале, дверь или тоннель, но ничего этого не было. Дороги дальше не существовало. Был путь наверх, но подняться мы смогли бы либо на воздушном шаре, либо на ладони мифического великана-помощника.

Нас охватила паника. Мисс Сапсан пронзительно закричала. Клэр плакала. А Гораций причитал:

– Это конец! Мы все умрем!

Остальные предпринимали последние отчаянные попытки спастись. Фиона водила ладонями по стене в поисках трещин, в которые могла набиться земля, позволившая бы ей вырастить лиану или что-то еще, с помощью чего мы вскарабкались бы наверх. Хью подбежал к краю площадки и посмотрел вниз.

– Мы могли бы спрыгнуть, если бы только у нас был парашют!

– Я могу быть парашютом! – воскликнула Оливия. – Возьмитесь за мои ноги!

Но до дна пропасти было очень далеко, и вся долина заросла темным опасным лесом. Бронвин решила, что будет лучше послать Оливию вверх, а не вниз. Продолжая держать на одной руке вялую из-за высокой температуры Клэр, она подвела Оливию к скале.

– Дай мне свои туфли! – скомандовала она. – Бери Клэр и мисс С. и как можно скорее поднимай их наверх!

– Я не знаю, хватит ли у меня сил! – испугалась Оливия.

– Ты должна попытаться, маленькая птичка! Никто, кроме тебя, спасти их не сможет!

Опустившись на колени, она поставила Клэр на ноги, и больная девочка, покачиваясь, шагнула в объятия Оливии. Та крепко прижала ее к себе и сбросила свои свинцовые туфли. Как только дети начали подниматься, Бронвин пересадила мисс Сапсан со своего плеча на макушку Оливии. Под этим весом девочка поднималась очень медленно. И только когда мисс Сапсан начала хлопать здоровым крылом и тянуть Оливию вверх за волосы, девочка вскрикнула, задергала ногами, и вся троица взмыла в воздух.

Пустота почти добралась до тропы. Я был в этом так уверен, как будто видел ее собственными глазами. Тем временем мы обшаривали площадку, на которой очутились, в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать как оружие. Но в нашем распоряжении были только мелкие камни.

– Я могу быть оружием, – заявила Эмма.

Она хлопнула в ладоши и развела руки в стороны. Между ее ладонями мгновенно возник ревущий огненный шар.

– Не забывайте и о моих пчелах! – не отставал от нее Хью, открывая рот и выпуская наружу жужжащих насекомых. – Если их раздразнить, они становятся

свирепыми и опасными.

Енох, который имел обыкновение веселиться в самые неподходящие моменты, покатился со смеху.

– И что ты собираешься делать с пустотой? – поинтересовался он. – Заопыляешь ее до смерти?

Не обращая на него внимания, Хью обернулся ко мне.

– Джейкоб, ты будешь нашими глазами. Только скажи нам, где эта скотина, и мои пчелы закусают ее так, что у нее мозги вытекут!

Мой компас боли сообщил мне, что скотина уже на тропе. Источаемый ею яд распространялся так быстро, заполняя меня всего, что это могло означать только одно – она приближается.

– Пустота может появиться в любую секунду, – сообщил я друзьям, показывая на скрывающуюся за поворотом тропу, по которой мы сюда прибежали. – Приготовьтесь.

Если бы не адреналин, меня бы уже парализовало от боли.

Мы заняли оборонительную позицию. Кое-кто присел на корточки с поднятыми, как у боксеров, кулаками, другие напоминали спринтеров, согнувшихся на старте в ожидании выстрела судьи. Впрочем, бежать нам было некуда.

– Кто бы мог подумать, что нас всех постигнет такой жалкий конец! – произнес Гораций. – «В валлийской глубинке их настигла и сожрала пустота…»

– Я думал, что они не могут пробираться в петли, – пробормотал Енох. – Как она сюда попала?

– Видимо, это следующий эволюционный виток, – предположил Миллард.

– Кому какое дело до того, как это произошло! – прикрикнула на них Эмма. – Она здесь, и она голодна!

Вдруг сверху до нас донесся еле слышный голос:

– Эй вы, там, внизу, осторожно!

Запрокинув голову, я увидел лицо Оливии, мелькающее над козырьком скалы. Мгновение спустя сверху начало падать что-то наподобие мотка длинной веревки. Веревка размоталась и натянулась, а на самом ее конце обнаружилась, шлепаясь на камни, сеть.

– Скорее! – снова раздался голос Оливии. – Тут есть рычаг. Хватайтесь за сеть, и я подниму ее наверх.

Мы подбежали к сети, но она была совсем крошечной. В ней не хватило бы места и для двух человек. На уровне глаз к веревке была приколота фотография человека внутри сети (этой самой сети). Он подобрал под себя ноги и висел над землей на фоне обрывистой скалы (этой самой скалы). На обороте фотографии мы прочитали сообщение:

ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ В ЗВЕРИНЕЦ: ЗАБИРАЙТЕСЬ ВНУТРЬ!

ОГРАНИЧЕНИЕ ПО ВЕСУ: НЕ БОЛЬШЕ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА НА ПОЕЗДКУ.

Это хитроумное приспособление представляло собой нечто вроде примитивного подъемника и предназначалось только для одного человека, но никак не восьми сразу! Однако времени использовать его как полагается у нас не было. Мы ввалились туда все одновременно, высунув руки и ноги в ячейки сети и ухватившись за веревку над нашими головами.

– Поднимай! – завопил я.

Пустота была уже совсем близко, и все мое тело пронзала невыносимая боль.

Несколько секунд, которые показались нам бесконечностью, сетка висела неподвижно. Пустота выскочила из-за поворота. Она бежала на своих чудовищных языках, между которыми бесполезно болтались атрофированные человеческие конечности. Тут раздался визг металла о металл, веревка натянулась, и мы взлетели в воздух.

Пустота ринулась к нам. Она мчалась, распахнув челюсти, будто хотела втянуть нас всех в пасть, подобно тому, как кит заглатывает планктон. Мы не успели подняться и наполовину, как она оказалась под нами, посмотрела наверх и присела, напоминая сжатую пружину.

– Она сейчас прыгнет! – закричал я. – Втягивайте ноги!

Пустота уперлась языками в землю и взмыла вверх. Мы поднимались довольно быстро, и мне показалось, что она промахнулась. Но в наивысшей точке прыжка один из ее языков обвился вокруг щиколотки Эммы.

Девушка закричала и начала пинать щупальце второй ногой. Сеть дернулась и остановилась. Видимо, подъемное устройство наверху было слишком слабым и не могло поднять нас всех и пустоту в придачу.

– Отцепите ее от меня! – кричала Эмма. – Отцепите, отцепите, отцепите!

Я тоже попытался пнуть щупальце каблуком, но язык пустоты оказался прочным, как стальной канат, а его кончик покрывали сотни извивающихся присосок. Поэтому любой, кто попытался бы оторвать его от ноги Эммы, неизбежно прилип бы к нему сам. И тут мерзкое существо начало подтягиваться к нам. Его челюсти неумолимо приближались, и мы уже ощущали могильный смрад, исходящий из его пасти.

Эмма крикнула, чтобы ее кто-нибудь подержал, и одной рукой я схватил ее сзади за платье. Бронвин и вовсе выпустила сеть из рук и, держась только ногами, обеими руками обхватила талию Эммы. Та тоже разжала пальцы, и теперь от падения ее спасали только наши с Бронвин усилия. Сейчас руки Эммы

были свободны, и она, наклонившись, обхватила ими мерзкий язык.

Пустота заверещала. Присоски на языке поникли. Раздалось шипение, и над ними поднялись клубы черного смрадного дыма. Эмма стиснула щупальце еще сильнее, закрыла глаза и взвыла. Но это был скорее боевой клич, чем крик боли. И наконец раненое щупальце разжалось и соскользнуло со щиколотки Эммы. На какое-то сюрреалистическое мгновение оказалось, что уже не пустота держит Эмму, а Эмма пустоту. Существо корчилось и визжало под нами, и нас окутывал едкий дым от горящей плоти. Наконец мы не выдержали и начали умолять девушку отпустить его. Глаза Эммы снова распахнулись, и, как будто только сейчас вспомнив, где находится, она разжала ладони.

Пустота полетела вниз, отчаянно хватая щупальцами воздух. Удерживающее нас натяжение веревки внезапно исчезло, и мы пулей помчались вверх, прочь от врага. Взлетев над краем скалы, мы грудой рухнули на ее вершину. Там нас уже ожидали Оливия, Клэр и мисс Сапсан. Пока мы выпутывались из сети, одновременно откатываясь от края утеса, Оливия хлопала в ладоши, мисс Сапсан пронзительно кричала и махала здоровым крылом, а лежавшая на земле Клэр приподняла головку и слабо улыбнулась.

Нас всех шатало, и мы уже во второй раз за эти два дня не могли поверить в то, что нам снова удалось выжить.

– Ты уже дважды спасла наши головы, пташка, – обратилась Бронвин к Оливии. – Что касается вас, мисс Блум, я знала, что вы смелая, но такого не ожидала!

Эмма отмахнулась от похвалы.

– Кто-то из нас должен был победить. У меня не было выбора.

– Поверить не могу, что ты к этому прикоснулась! – содрогнулся Гораций.

Эмма вытерла ладони о платье, затем понюхала их и поморщилась.

– Я надеюсь, этот запах скоро уйдет. Эта гадость воняла, как мусорка!

– Как твоя нога? – спросил я. – Болит?

Она встала на колени и опустила носок. Щиколотку опоясывал широкий вздувшийся красный рубец.

– Могло быть хуже, – произнесла она, осторожно касаясь поврежденной кожи.

Но когда она снова выпрямилась и наступила на ногу, я заметил, что она поморщилась.

– Хорош помощник, – проворчал Енох, искоса глядя на меня. – «Бегите»! – закричал внук убийцы пустот!

– Если бы дедушка смог убежать от пустоты, которая его убила, он до сих пор был бы жив, – возразил я. – Это хороший совет.

Откуда-то из-под скалы, на которую мы только что взлетели, раздался глухой удар. Во мне опять заворочалось Ощущение. Я подошел к краю и посмотрел вниз. Пустота была жива. Она подобралась к основанию скалы и своими языками выдалбливала углубления в граните.

– Скверная новость, – произнес я. – Падение ее не прикончило.

Через секунду рядом со мной стояла Эмма.

– Что она делает?

Эта мерзость сунула одно из щупалец в свежее отверстие, подтянулась и начала выдалбивать следующую опору для ноги, а если точнее, для языка.

– Она пытается взобраться на нашу скалу, – произнес я. – Бог ты мой, она совсем как Терминатор.

– Как кто?

Я чуть было не начал объяснять, но покачал головой. В любом случае это было нелепое сравнение. Пустота была намного страшнее и, вероятнее всего, опаснее любого киномонстра.

– Мы должны ее остановить! – воскликнула Оливия.

– А еще лучше сбежать! – предложил Гораций.

– Попрошу всех больше никуда не бегать! – заявил Енох. – Предлагаю, в конце концов, прикончить эту гадость.

– Давай прикончим, – согласилась Эмма. – Как мы это сделаем?

– У кого-нибудь есть котел с кипящим маслом? – поинтересовался Енох.

– Может, это подойдет? – раздался голос Бронвин.

Обернувшись, я увидел, что она держит над головой огромный валун.

– Может, и подойдет, – кивнул я. – Как у тебя с меткостью? Сможешь уронить его четко туда, куда я укажу?

– Я очень постараюсь, – отозвалась Бронвин и, пошатываясь, двинулась к краю обрыва, с трудом удерживая валун на вытянутых перед собой руках.

Мы остановились на краю, глядя вниз.

– Чуть дальше, – произнес я, подталкивая ее влево.

Но не успел я подать сигнал, как пустота перепрыгнула с одной выемки на другую, и теперь Бронвин тоже предстояло передвинуться.

Отвратительное существо долбило гранит все быстрее. Теперь оно превратилось в подвижную мишень. Хуже того – других валунов поблизости не было. Если бы Бронвин промахнулась, второго шанса у нас бы не было.

Я вынудил себя смотреть на пустоту, игнорируя почти непреодолимое желание отвернуться. На несколько головокружительных секунд голоса моих друзей стихли, и я слышал лишь, как стучит кровь у меня в ушах и сердце колотится, пытаясь вырваться из груди. Мои мысли перенеслись к мерзкому созданию,

убившему моего деда. Я вспомнил, как оно стояло над его растерзанным телом, а затем трусливо бросилось в чащу. В глазах у меня рябило, а руки дрожали. Я попытался успокоиться.

Это твое предназначение, – сказал себе я. – Ты был создан для того, чтобы убивать таких чудовищ.

Я шепотом твердил себе эти слова, как заклинание.

– Джейкоб, быстрее, пожалуйста, – вторглась в мои мысли Бронвин.

Существо сделало ложный выпад влево, а затем прыгнуло вправо. Я не хотел действовать наугад и лишиться единственного шанса убить пустоту. Я должен был знать. И каким-то образом я чувствовал, что я это могу.

Я встал на колени так близко к краю утеса, что Эмма схватила меня сзади за ремень, чтобы не позволить свалиться в пропасть. Сосредоточившись на пустоте, я твердил свое заклинание: создан, чтобы убить тебя, создан, чтобы убить. И хотя в данный момент чудовище никуда не перемещалось, выдалбливая очередное углубление в стене, я ощутил, что стрелка компаса у меня в животе еле заметно дрогнула вправо.

Это было похоже на предчувствие.

Бронвин уже дрожала под весом валуна.

– Еще немного, и я его уроню, – прошептала она.

Я решил довериться интуиции. Хотя мой компас и указывал на абсолютно пустое место, я крикнул Бронвин, чтобы она бросила камень именно туда. Она повернулась вправо и со стоном облегчения выпустила валун из рук.

Спустя мгновение после того, как она это сделала, пустота метнулась вправо, именно туда, куда и была устремлена стрелка компаса. Она подняла голову и, увидев летящий в нее обломок скалы, приготовилась к новому прыжку, но времени у нее не осталось. Валун обрушился на голову мерзкого существа и смел его тело со стены. С оглушительным грохотом камень и пустота вместе

рухнули на землю. Из-под валуна выскочили в разные стороны, задрожали и обмякли щупальца-языки. Хлынула черная кровь, окружая камень смрадной лужей вязкой жидкости.

– Прямое попадание! – завопил я.

Дети запрыгали и с радостными возгласами захлопали в ладоши.

– Она убита, она убита, – пела Оливия, – ужасной пустоты больше нет!

Бронвин обняла меня обеими руками. Эмма целовала меня в макушку. Гораций тряс мою руку, а Хью хлопал меня по спине. Меня поздравил даже Енох.

– Хорошая работа, – неохотно признал он. – Только не вздумай зазнаваться.

Я должен был быть вне себя от радости, но не чувствовал почти ничего. Вибрирующая боль Ощущения стихала, и все мое тело охватило странное оцепенение. Эмма видела, что я истощен. Она очень осторожно взяла меня под руку и повела от края скалы, поддерживая так, чтобы никто этого не заметил.

– Этот бросок не был сделан наудачу, – прошептала она мне на ухо. – Я не ошиблась в тебе, Джейкоб Портман.

* * *

Тропа, оканчиваясь у подножия стены, снова начиналась здесь, наверху, проходила вдоль хребта и скрывалась за перевалом.

– Объявление на веревке гласило: Путь в зверинец, – произнес Гораций. – Как вы считаете, эта тропа ведет именно туда?

– Это тебе снятся сны о будущем, – заметил Енох. – Может, ты нам скажешь, куда она ведет?

– Что такое зверинец? – спросила Оливия.

– Это место, где обитают животные, – пояснила Эмма. – Что-то вроде зоопарка.

Оливия радостно взвизгнула и захлопала в ладоши.

– Это друзья Кутберта! Из рассказа! О, мне не терпится с ними познакомиться. Как ты думаешь, имбрина тоже там живет?

– В данных обстоятельствах, – заметил Миллард, – было бы лучше не строить никаких предположений.

Мы зашагали дальше. У меня все еще кружилась голова после стычки с пустотой. Похоже, мои способности действительно продолжали развиваться, как и предрекал Миллард. Чем больше я ими пользовался, тем мощнее они становились, совсем как мышцы. Стоило пустоте попасть в поле моего зрения, я ее тут же видел, а если я определенным образом сосредоточивал на ней свое внимание, мне удавалось предсказать ее следующее действие, хотя ощущал я это интуитивно, каким-то шестым чувством. Впрочем, на этом пути не существовало никаких предостерегающих знаков, и каждый неверный шаг был чреват смертельно опасными последствиями, как для меня, так и для тех, кто на меня положился. Я опасался, что все остальные уверуют в мою непогрешимость. Еще больше я опасался того, что в нее уверую я сам. И я знал, что как только возомню о себе слишком много, как только пустоты перестанут вселять в меня животный ужас, произойдет непоправимое.

Наверное, то, что соотношение между ужасом и уверенностью в собственных силах составляло у меня сейчас приблизительно десять к одному, было даже к лучшему. Я сунул руки в карманы, чтобы скрыть от остальных, как сильно они дрожат.

– Смотрите! – вдруг воскликнула Бронвин, остановившись как вкопанная. – Дом в облаках!

Прямо перед нами вдалеке виднелся дом, который, казалось, парит на облачной гряде. Мы продолжали подниматься и вскоре оказались на перевале. Облака расступились, и мы смогли рассмотреть этот необычный дом. Он оказался очень маленьким и возвышался не на облаке, а на очень высокой башне, сложенной исключительно из железнодорожных шпал прямо посреди поросшего травой плато. Это было одно из самых странных сооружений, которые я когда-либо

видел. Вокруг него по плато были разбросаны хижины, а вдалеке виднелся лесок, но мы на все это даже не смотрели. Все наше внимание было приковано к башне.

– Что это такое? – прошептал я.

– Сторожевая башня? – предположила Эмма.

– Место для взлета самолетов? – высказался Хью.

Но никаких самолетов тут не было, как и малейших признаков взлетно-посадочной полосы.

– Возможно, отсюда запускают цеппелины? – пробормотал Миллард.

Я вспомнил старый документальный фильм о злополучном приземлении дирижабля «Гинденбург» на некую вышку, сооружение, очень похожее на то, что возвышалось перед нами, и похолодел от ужаса. Что, если здесь базируются дирижабли, охотившиеся за нами на пляже, и мы ненароком угодили прямо в логово тварей?

– Это может быть домом имбрины, – заявила Оливия. – Почему вы все сразу думаете о худшем?

– Я уверен в том, что Оливия права, – поддержал девочку Хью. – Не вижу здесь ничего страшного или опасного.

Ответом ему стало жуткое нечеловеческое ворчание, которое, похоже, исходило из теней, сгустившихся вокруг основания башни.

– А это что было? – ахнула Эмма. – Еще одна пустота?

– Я так не думаю, – отозвался я, все еще чувствуя, как медленно угасает во мне Ощущение.

– Я не знаю и знать не хочу, – пятясь назад, пробормотал Гораций.

Но выбора у нас не было, потому что некто явно хотел с нами познакомиться. Рычание раздалось снова, и я ощутил, как мои руки покрываются пупырышками. Мгновение спустя между двумя нижними шпалами показалась лохматая морда. Она рычала на нас, как бешеная собака, и из ее клыкастой пасти свисали шнурки слюны.

– Что, во имя Предков, это такое?

– Превосходная была идея – влезть в эту петлю! – проворчал Енох. – Именно то, чего нам не хватало.

Клыкастое существо, чем бы оно ни было, протиснулось между шпалами и выбралось на солнце. Присев на корточки, оно оскалилось в такой плотоядной кривой ухмылке, как будто представило себе, как будет лакомиться нашими мозгами. Было совершенно непонятно, кто перед нами – человек или животное. У существа было облаченное в лохмотья человеческое тело, но держалось оно как обезьяна. Сгорбленная фигура также напоминала наших далеких предков. У него были желтые зубы и глаза, бледная кожа, покрытая темными пятнами, а длинные волосы представляли собой всклокоченную, свалявшуюся массу.

– Кто-нибудь, сделайте так, чтобы оно умерло! – взмолился Гораций. – Или по крайней мере так, чтобы оно на меня не смотрело!

Бронвин опустила Клэр на землю и приняла боевую стойку. Эмма тоже подняла руки, готовая вызвать огонь. Но, судя по всему, она так разволновалась, что все, что ей удалось – это тонкая струйка дыма. Человекообразное существо подобралось, оскалилось и пустилось бежать со скоростью спринтера, преодолевающего дистанцию на Олимпийских играх. Впрочем, бежало оно не к нам, а вокруг нас, ныряя за камни и снова выскакивая из-за них все с тем же жутковатым оскалом на лице. Оно играло с нами подобно кошке, которая играет со своей жертвой перед тем, как ее убить.

Мне показалось, оно собирается совершить очередной забег – на этот раз на нас – как вдруг позади раздался чей-то голос, скомандовавший: «Сидеть и вести себя смирно!» И существо послушалось, опустилось на корточки и вывалило язык в осоловелой ухмылке.

Мы обернулись и увидели, что к нам неторопливо трусит собака. Я поднял глаза, надеясь увидеть того, кто произнес эти слова, но позади пса никого не было. Тут псина открыла пасть и произнесла:

– Не обращайте на Гранта внимания, он совершенно не умеет себя вести! Он всего лишь пытается вас поблагодарить. Та пустота нам чрезвычайно надоела.

Мне показалось, что собака обращается ко мне, но я был так удивлен, что утратил дар речи. Мало того, что она говорила почти человеческим голосом и к тому же обладала благородным британским произношением, – из ее щекастой пасти свисала трубка, а глаза были скрыты за круглыми зелеными очками.

– О господи, – неверно истолковав мое молчание, продолжала собака, – надеюсь, вы не слишком обиделись. Грант очень добродушный, и его нельзя воспринимать всерьез. Он воспитывался в буквальном смысле слова в хлеву. Что касается меня, то я вырос в большом поместье, где был седьмым щенком седьмого щенка в блистательной династии охотничьих собак. – Он поклонился, насколько это способна сделать собака, – почти уткнувшись носом в землю. – Эддисон Мак-Генри собственной скромной персоной к вашим услугам, господа.

– Это слишком затейливое имя для собаки, – буркнул Енох, на которого, похоже, появление говорящего животного не произвело ни малейшего впечатления.

Эддисон посмотрел на Еноха поверх очков и пробормотал:

– Позвольте поинтересоваться, с кем имею честь?

– Енох О’Коннор, – гордо заявил тот, слегка выпятив грудь.

– Это слишком затейливое имя для чумазого толстощекого мальчишки, – парировал Эддисон и тут же поднялся на задние лапы, почти сравнявшись ростом с Енохом. – Да, я собака, но не обычная, а странная. С какой стати мне носить обычную собачью кличку? Мой бывший хозяин звал меня Бокси, и меня это возмущало. Тем самым он оскорблял мое достоинство! Поэтому я укусил его за лицо и принял его имя, Эддисон, которое гораздо лучше соответствует животному, наделенному такими достоинствами, как я. Это случилось незадолго до того, как меня обнаружила и привезла сюда мисс Королек.

Лица моих друзей прояснились при упоминании имени имбрины, и на них засветилась надежда.

– Вас привезла сюда мисс Королек? – удивилась Оливия. – А как же великан Кутберт?

– Кто? – удивился Эддисон и тут же покачал головой. – Ах да, история. Вынужден вас разочаровать, это всего лишь история, не более того, написанная много лет назад под впечатлением от этой занятной скалы внизу и странного зверинца мисс Королек.

– Что я вам говорил? – пробормотал Енох.

– А где сейчас мисс Королек? – поинтересовалась Эмма. – Нам необходимо с ней побеседовать!

Эддисон посмотрел на дом на вершине башни и произнес:

– Это ее резиденция, но в настоящий момент ее нет дома. Она упорхнула несколько дней назад на помощь к своим сестрам-имбринам в Лондоне. Началась война, понимаете ли… Я полагаю, вы уже в курсе? Это объясняло бы, почему вы опустились до того, чтобы путешествовать подобно беженцам.

– Нашу петлю взломали, – ответила Эмма. – А потом все наши вещи утонули в море.

– Мы едва и сами не утонули, – добавил Миллард.

При звуке голоса Милларда собака вздрогнула.

– Невидимка! Вот это сюрприз. И американец в придачу. – Пес кивнул в мою сторону. – Какая странная компания даже для странного мира. – Он снова опустился на все четыре лапы и обернулся в сторону башни. – Пойдемте, я представлю вас остальным. Знакомство с вами приведет их в восторг. Бедняжки, после всех этих скитаний вы, наверное, умираете с голоду. Думаю, питательный корм вам не повредит!

– А еще нам нужны лекарства, – вмешалась в разговор Бронвин, опускаясь на колени, чтобы поднять на руки Клэр. – Эта малышка очень больна!

– Мы сделаем для нее все, что можем, – ответил пес. – Мы бесконечно вам обязаны за устранение затруднений, которые создавала нам эта пустота. Как я уже сказал, ее присутствие было чрезвычайно обременительным.

– Что, по его мнению, нам не повредит? – с запозданием прошептала Оливия.

– Питание, провизия, продовольствие! – отозвался пес. – Вы будете тут жить, как короли.

– Но я не люблю собачий корм, – пожаловалась Оливия.

Эддисон расхохотался на удивление человеческим смехом.

– Я тоже, мисс.

Глава четвертая

Эддисон горделиво шел на четырех лапах, высоко вздернув свою курносую морду, зато человекообразное существо по имени Грант носилось вокруг, напоминая психически больного щенка. Из зарослей травы и разбросанных по плато хижин выглядывали лица самых разных размеров и очертаний, большинство из которых были покрыты шерстью. Когда мы оказались посреди плато, Эддисон поднялся на задние лапы и провозгласил:

– Не бойтесь, друзья! Выходите и поприветствуйте детей, которые расправились с нашим незваным гостем!

Странные животные начали по одному выходить из укрытий и вскоре образовали целую процессию. По мере того как они приближались, Эддисон представлял их нам. Взглянув на первое существо, я подумал, что его сшили из верхней части жирафа и нижней – осла. При этом у него были только две задние ноги, на которых оно и вышагивало странной неуклюжей походкой.

– Это Дердра, – представил нам зверя Эддисон. – Она эму-раф. Это животное, которое немного напоминает осла и жирафа вместе взятых, только с меньшим количеством ног и вздорным характером. И она совершенно не умеет проигрывать в карты, – шепотом добавил он. – Никогда не играйте в карты с эму-рафами.

– До свидания! – произнесла Дердра, раздвигая в улыбке свои толстые лошадиные губы и обнажая крупные выпирающие зубы. – Какой ужасный день! Чрезвычайно неприятно с вами познакомиться! – Она тут же расхохоталась, причем ее смех напоминал одновременно ржание лошади и рев осла, и добавила: – Я пошутила!

– Дердра считает себя весьма остроумной, – пояснил Эддисон.

– Если вы похожи на осла и жирафа, – подала голос Оливия, – почему вас не назвали ослорафом?

Дердра нахмурилась и ответила:

– Потому что это звучало бы просто ужасно! Вы не находите, что слово эму-раф произносится очень легко?

Затем она высунула язык – толстый, розовый и фута три в длину – и его кончиком сдвинула тиару Оливии ей на затылок. Оливия взвизгнула и, хихикая, спряталась за спину Бронвин.

– Здесь все животные разговаривают? – спросил я.

– Только мы с Дердрой, – ответил Эддисон. – К счастью, – добавил он. – Куры и так галдят целый день, хотя не способны произнести ни слова!

Не успел он это сказать, как из черного обгоревшего курятника выскочила стая кудахчущих кур и ринулась к нам.

– Ага, а вот и девочки! – воскликнул Эддисон.

– Что случилось с их курятником? – спросила Эмма.

– Стоит нам его отремонтировать, как они тут же его сжигают, – вздохнул пес. – Столько хлопот! – Эддисон обернулся и кивнул в сторону приближающихся кур. – Возможно, будет лучше немного посторониться. Когда они перевозбуждаются…

БА-БАХ! Звук, напоминающий взрыв динамитной шашки, заставил нас всех вздрогнуть от неожиданности. Немногие уцелевшие доски курятника раскололись на мелкие щепки и разлетелись в стороны.

– …их яйца взрываются, – закончил Эддисон.

Когда дым немного развеялся, мы увидели, что куры, целые и невредимые, продолжают бежать к нам в небольшом облачке белых перьев, похожих на огромные хлопья снега. Казалось, взрыв нисколько их не обеспокоил.

От изумления у Еноха отвисла челюсть.

– Вы хотите мне сказать, что эти куры несут взрывающиеся яйца?! – воскликнул он.

– Только когда они переволнуются, – уточнил Эддисон. – По большей части их яйца совершенно безопасны… и необычайно вкусны! Но именно те из них,

которые взрываются, заработали им довольно несправедливое прозвище – армагеддоновы куры.

– Держитесь от нас подальше! – закричала Эмма, когда куры были уже совсем близко. – Мы не хотим взлететь на воздух!

Эддисон расхохотался.

– Уверяю вас, это милые и совершенно безвредные птички. И они не несутся нигде, кроме своего курятника. – Куры радостно закудахтали, топчась у нас под ногами. – Вот видите? – улыбнулся пес. – Вы им нравитесь!

– Это какой-то сумасшедший дом! – заявил Гораций.

– Нет, голубок, – засмеялась Дердра. – Это зверинец.

Затем Эддисон представил нас животным, чьи странности в глаза не бросались. Среди них была сова, которая молчаливо и пристально рассматривала нас, сидя на ветке дерева; стайка мышей, которые то появлялись в поле нашего зрения, то расплывались, теряя четкость очертаний. Казалось, добрую половину своего времени они проводят в какой-то иной реальности. Еще тут была коза с очень длинными рогами и глубокими черными глазами, сирота из стада странных коз, которые некогда бродили по окружающим гору лесам.

Когда все звери наконец столпились вокруг нас, Эддисон закричал:

– Трижды поприветствуем убийц пустоты!

Дердра взревела, коза затопала, сова заухала, куры закудахтали, а Грант что-то промычал. Пока все это происходило, Бронвин и Эмма то и дело переглядывались, Бронвин косилась на свое пальто, под которым пряталась мисс Сапсан, и поднимала брови, безмолвно спрашивая у Эммы: Пора?, и Эмма в ответ качала головой: Рано.

Бронвин уложила Клэр на траву в тени дерева. Та взмокла и дрожала всем телом, то теряя сознание, то снова приходя в себя.

– Я видел, как мисс Королек готовит особый эликсир от жара, – произнес Эддисон. – Отвратительный на вкус, но помогает.

– Моя мама варила мне куриный бульон, – сообщил ему я.

Куры испуганно закудахтали, а Эддисон метнул в меня злобный взгляд.

– Он пошутил! – сквозь зубы процедил пес. – Это шутка, очень глупая шутка, ха-ха! Такого блюда как куриный бульон не существует!

С помощью Гранта Эддисон принялся готовить эликсир. Вскоре они вернулись с миской чего-то очень похожего на грязную воду, оставшуюся после мытья посуды. Когда Клэр выпила все до последней капли и уснула, животные устроили для нас небольшой пир. Они принесли несколько корзин свежевыпеченного хлеба, а еще яблочный компот и сваренные вкрутую яйца – из тех, которые не взрываются. Поскольку никаких столовых приборов и тарелок у них не было, все это вручили нам прямо в руки. Я даже не осознавал, насколько проголодался, пока не уплел три яйца и буханку хлеба за пять минут.

Покончив с едой, я рыгнул, вытер губы и поднял голову. Животные нетерпеливо наблюдали за нами, и при этом их лица были такими смышлеными, что мне стало не по себе. Меня охватило непреодолимое ощущение, что я сплю.

Миллард ел, сидя на земле рядом со мной. Я обернулся к нему и поинтересовался:

– Ты когда-нибудь раньше слышал о странных животных?

– Только в рассказах для детей, – ответил он с полным ртом хлеба. – И это очень странно, что именно один из таких рассказов привел нас к ним.

И только Оливию все окружающее, похоже, нисколько не смущало. Возможно, потому, что она была еще очень маленькой (во всяком случае, с виду) и для нее граница между сказками и реальной жизнью оставалась нечеткой и размытой.

– Где все остальные животные? – спросила она у Эддисона. – В истории про Кутберта были ходулелапые медведи и двухголовые рыси.

И вдруг вся их радость куда-то улетучилась. Грант спрятал свое большое лицо в ладонях, а Дердра жалобно не то заржала, не то застонала.

– Не спрашивай, не спрашивай, – пробормотала она, понурив свою причудливую голову на длинной шее.

Но было слишком поздно.

– Эти дети нам помогли, – сказал Эддисон. – Они заслужили право выслушать нашу грустную историю, если она их интересует.

– Если вы не против ее рассказать, – откликнулась Эмма.

– Я люблю грустные истории, – закивал головой Енох. – Особенно такие, в которых драконы съедают принцесс, а в конце все умирают.

Эддисон откашлялся.

– В нашем случае скорее принцесса съела дракона, – произнес он. – Последние годы выдались очень тяжелыми для таких, как мы. А до этого мы пережили несколько тяжелых столетий. – Пес расхаживал взад-вперед, своей манерой держаться и своими интонациями все больше напоминая проповедника. – В незапамятные времена в мире было полно странных животных. В те далекие дни на земле жило больше странных животных, чем странных людей. Каких только зверей тут не было: киты, которые летали, как птицы, черви размером с дом, собаки вдвое умнее меня, если в это можно поверить. У некоторых были собственные королевства, и правили этими королевствами тоже звери. – В глазах пса промелькнула едва заметная искра, как будто он был достаточно стар, чтобы помнить тот мир. Затем он глубоко вздохнул, и его глаза снова потухли. Но он продолжал: – То, что вы видите, это лишь ничтожная часть тех

животных, но это все, что осталось. Нас постигло почти полное вымирание. Кто-нибудь из вас знает, что случилось со странными животными, некогда населявшими этот мир?

Мы молча жевали, потому что, к своему стыду, ничего об этом не слышали.

– Ну хорошо, – произнес он, – пойдемте со мной, и я вам покажу.

Он затрусил по залитой солнцем равнине, покинув тень деревьев, но, пройдя несколько шагов, остановился и обернулся, ожидая, что мы последуем за ним.

– Прошу тебя, Эдди, – вмешалась эму-раф. – Не сейчас – наши гости едят!

– Они сами спросили, и я им рассказываю то, о чем они хотели знать, – отозвался Эддисон. – За эти несколько минут их хлеб никуда не убежит!

Мы нехотя отложили еду и пошли за собакой. Фиона осталась под деревьями присматривать за спящей Клэр, а Грант и эму-раф припустили за нами. Вместе мы пересекли плато и вошли в лесок на противоположном его конце. Между деревьями вилась дорожка, посыпанная гравием, и, хрустя камнями, мы дошли до небольшой поляны. Перед тем как выйти на нее, Эддисон произнес:

– Позвольте мне представить вам самых изумительных странных животных, когда-либо существовавших на нашей планете!

Деревья расступились, и нашим глазам предстало небольшое кладбище с аккуратными рядами белых надгробных плит.

– О нет, – раздался голос Бронвин.

– Здесь похоронено, наверное, больше странных животных, чем в настоящее время насчитывается во всей Европе, – произнес Эддисон, проходя между могилами и направляясь к внушительной плите, на которую потом оперся

лапами. – Ее звали Помпи. Она была замечательной собакой. Чтобы залечить любую рану, ей было достаточно несколько раз лизнуть ее. Это было истинное чудо! И тем не менее, вот как с ней обращались. – Эддисон щелкнул языком, и Грант поспешно выбежал вперед и сунул мне в руки небольшую книжицу. Это был фотоальбом, открытый на изображении собаки, запряженной в небольшую повозку подобно мулу или лошади.

– Она попала в рабство в бродячий цирк, – продолжал Эддисон. – Ее, как самое обычное тягловое животное, заставили катать толстых избалованных детей и даже хлестали стеком! – Его глаза гневно горели. – К тому времени как ее спасла мисс Королек, Помпи была на краю гибели от тоски. После переезда сюда она прожила всего несколько недель, после чего ее похоронили здесь.

Я передал альбом по кругу. Каждый, кто смотрел на фото, вздыхал, качал головой и что-то с горечью бормотал себе под нос.

Эддисон подошел к другой могиле.

– Еще более величественным созданием была Ка’аб Магда, – снова заговорил он. – У нее было восемнадцать рогов, и она кочевала по петлям Внешней Монголии. Она вселяла ужас в сердца всех, кто ее видел! Когда она бежала, земля содрогалась под ее копытами! Утверждают, что она даже совершила переход через Альпы вместе с армией Ганнибала в 218 году до Рождества Христова. Но несколько лет назад ее застрелил охотник.

Грант показал нам фотографию пожилой женщины, которая выглядела так, будто только что вернулась с сафари из Африки, поскольку сидела на причудливом стуле, сделанном из рогов какого-то животного.

– Я не понимаю, – удивленно произнесла Эмма, всматриваясь в фото. – Где Ка’аб Магда?

– Под этой дамой, – ответил Эддисон. – Охотник сделал из ее рогов стул.

Эмма едва не выронила альбом.

– Как это мерзко!

– Если это она, – произнес Енох, постукивая пальцем по фото, – то что похоронено в этой могиле?

– Стул, – сообщил ему Эддисон. – Такой вот грустный конец необычайно странной жизни.

– Это кладбище изобилует такими же трагическими историями, как история Магды, – продолжал говорить Эддисон. – Мисс Королек задумывала этот зверинец как ковчег, но он постепенно превратился в могильник.

– Как и все наши петли, – кивнул Енох. – Такова судьба всех странных существ. Этот эксперимент потерпел неудачу.

– «Это место вымирает, – так часто вздыхала мисс Королек. – Эддисон заговорил на тон выше, потому что теперь он имитировал голос имбрины. – А я всего лишь смотритель этих продолжительных похорон!»

Глаза Эддисона увлажнились при упоминании имбрины, но тут же высохли и засверкали.

– Она очень любила театральные жесты.

– Пожалуйста, не говори о нашей имбрине в прошедшем времени, – одернула его Дердра.

– Любит, – поправился он. – Простите. Любит.

– Они охотились на вас, – произнесла Эмма дрожащим от волнения голосом. – Делали из вас чучела и отправляли в зоопарки.

– Совсем как охотники из рассказа о Кутберте, – вставила Оливия.

– Да, – согласился Эддисон, – кое-какие знания легче всего распространять посредством мифов.

– Но на самом деле Кутберта не было, – наконец догадалась Оливия. – Вас спасал вовсе не великан. Это была всего лишь птица.

– Это совершенно особенная птица, – уточнила Дердра.

– Вы о ней волнуетесь, – кивнул я.

– Конечно, волнуемся, – подтвердил Эддисон. – Насколько мне известно, мисс Королек – единственная имбрина, которую не сумели захватить твари. Когда она узнала, что ее похищенных сестер отправили в Лондон, она улетела к ним на помощь, ни на секунду не озаботившись своей собственной безопасностью.

– И нашей тоже, – прошептала Дердра.

– Лондон? – переспросила Эмма. – Вы уверены, что похищенных имбрин свозят именно туда?

– Абсолютно уверены, – ответила собака. – У мисс Королек в этом городе есть шпионы. Это стая странных голубей, которые за всем следят и сразу докладывают ей. Недавно к нам прилетело несколько птиц. Они были вне себя от тревоги. Из достоверных источников им стало известно, что имбрин поместили (и они все еще находятся там) в петлях наказания.

Несколько человек ахнуло, но я понятия не имел, о чем говорит собака.

– Что такое петля наказания? – спросил я.

– Эти петли были созданы для содержания плененных тварей, закоренелых преступников и опасных безумцев, – пояснил Миллард. – Они в корне отличаются от тех петель, которые мы знаем. Это ужасные, ужасные места.

– Теперь имбрин там стерегут твари и, вне всякого сомнения, их пустоты, – со вздохом закончил Эддисон.

– Бог ты мой! – воскликнул Гораций. – В таком случае это еще хуже, чем мы предполагали!

– Ты шутишь? – фыркнул Енох. – Это именно то, чего я боялся!

– Какое бы гнусное злодеяние ни задумали твари, – произнес Эддисон, – совершенно ясно, что для того, чтобы его осуществить, им нужны все имбрины. Пока в их лапы не угодила только мисс Королек… храбрая и безрассудная мисс Королек… но кто знает, как долго она продержится!

Тут он прижал уши и, опустив голову, заскулил, как делают некоторые собаки во время грозы.

* * *

Мы вернулись под наше раскидистое дерево и закончили свой обед. Когда мы набили животы так, что не могли уже протолкнуть в себя ни единого кусочка, Бронвин обернулась к Эддисону и произнесла:

– А знаете ли, мистер Пес, все не так плохо, как вы думаете.

Затем она перевела взгляд на Эмму и подняла брови. И на этот раз Эмма кивнула.

– Вы так считаете? – отозвался Эддисон.

– Я уверена. А если точнее, у меня тут есть кое-что, способное вас подбодрить.

– Я очень сильно в этом сомневаюсь, – пробормотал пес, но оторвал голову от передних лап, чтобы взглянуть, что собирается показать ему девочка.

Бронвин распахнула пальто и воскликнула:

– Я хочу представить вам предпоследнюю из оставшихся на свободе имбрин, мисс Алму Сапсан!

Птица вытянула шею и заморгала, ослепленная ярким солнцем.

Теперь наступила очередь зверей демонстрировать свое изумление. Дердра ахнула, Грант взвизгнул и захлопал в мохнатые ладоши, а куры замахали своими бесполезными крыльями.

– Но мы слышали, что вашу петлю захватили! – произнес Эддисон. – А вашу имбрину похитили!

– Так и было, – гордо ответила Эмма. – Но мы выкрали ее обратно.

– В таком случае, – произнес Эддисон, кланяясь мисс Сапсан, – мне необычайно приятно с вами познакомиться, мадам. Я к вашим услугам. Если вам понадобится место для превращения, я с радостью провожу вас в жилище мисс Королек.

– Она не может превратиться, – произнесла Бронвин.

– Что это означает? – удивился Эддисон. – Она стесняется?

– Нет, – покачала головой Бронвин. – Она застряла в теле птицы.

Эддисон даже трубку из пасти выронил.

– О нет, – прошептал он. – Вы уверены?

– Она такая уже два дня, – ответила Эмма. – Я думаю, если бы она могла измениться, то уже сделала бы это.

Эддисон стряхнул очки с морды и озабоченно присмотрелся к птице.

– Можно я ее осмотрю? – спросил он.

– Он настоящий доктор Дулиттл, – закивала эму-раф. – Эдди всех нас лечит.

Бронвин вынула мисс Сапсан из-под пальто и посадила птицу на землю.

– Только осторожно, у нее крыло сломано, – заметила она.

– Конечно, – закивал Эддисон.

Он начал с того, что медленно обошел птицу вокруг, осматривая ее со всех сторон. Затем обнюхал ее голову и крылья своим большим мокрым носом.

– Расскажите мне, что с ней случилось, – попросил он. – А также когда и как. Расскажите мне все, ничего не упуская.

Эмма изложила ему всю историю с самого начала: то, как Голан похитил мисс Сапсан, как она едва не утонула в океане в клетке, как мы спасли ее с подводной лодки, управляемой тварями. Животные восхищенно слушали. Когда мы закончили, пес несколько мгновений собирался с мыслями, а затем провозгласил свой диагноз:

– Ее отравили. Я в этом уверен. Она обработана препаратом, который удерживает ее в теле птицы.

– Как? – воскликнула Эмма. – Откуда вы знаете?

– Похищать и перевозить имбрин в их человеческом облике очень опасно, потому что они способны проделывать свои штучки по остановке времени. Но когда они превращаются в птиц, их возможности весьма ограничены. В таком виде ваша директриса не занимает много места, ее легко спрятать… одним словом, она представляет совсем незначительную угрозу. – Он перевел взгляд на мисс Сапсан. – Та тварь, которая вас похитила, чем-то опрыскивала вас? – поинтересовался он. – Какой-нибудь жидкостью или газом?

Мисс Сапсан зашевелила головой. Казалось, она кивала, отвечая на вопрос Эддисона.

Бронвин ахнула.

– О, мисс, как это ужасно. Мы не знали.

Я ощутил укол вины. Это я привел тварей на остров. Это из-за меня мисс Сапсан попала в беду. Из-за меня странные дети потеряли свой дом. Во всяком случае, в этом была и моя вина. Чувство вины за происшедшее комком стояло у меня в горле.

– Но ведь она выздоровеет? – спросил я. – Она вернется?

– Ее крыло заживет, – кивнул Эддисон. – Но для того, чтобы снова стать человеком, ей понадобится помощь.

– Какая помощь ей нужна? – спросила Эмма. – Вы можете ее оказать?

– Ей способна помочь только другая имбрина. И у нее очень мало времени.

Я напрягся. Это было что-то новое.

– Что вы имеете в виду? – спросила Эмма.

– Мне очень жаль, но я вынужден вас огорчить. Два дня в теле птицы – это для имбрины очень долго. Чем больше времени она проведет в теле птицы, тем больше человеческого начала может быть утрачено. Уйдет все – ее память, ее слова, все, что делало ее тем человеком, которым она была, пока наконец она не перестанет быть имбриной. Она станет самой обычной птицей. Навсегда.

Передо мной возникло видение – мисс Сапсан, распластанная на операционном столе. Она не дышит, а вокруг суетятся врачи. И с каждой секундой повреждения, нанесенные ее мозгу, становятся все серьезнее и необратимее.

– Сколько? – спросил Миллард. – Сколько у нее времени?

Эддисон прищурился и покачал головой.

– Два дня, если у нее хватит сил.

Раздались возгласы ужаса, мы все побледнели.

– Вы уверены? – спросила Эмма. – Вы абсолютно в этом уверены?

– На моих глазах такое уже происходило. – Эддисон подбежал к маленькой сове, сидевшей на ветке поблизости. – Это Оливия, она была молодой имбриной, которая в процессе подготовки получила серьезную травму. Ее привезли к нам только через пять дней. Мы с мисс Королек сделали все, что могли, чтобы ее вернуть, но было слишком поздно. Это произошло десять лет назад. С тех пор она такая.

Сова молча смотрела на нас. В ней не осталось ничего от человека, это было видно по ее равнодушным глазам.

Эмма встала. Казалось, она хочет что-то сказать, чтобы подбодрить нас, какой-то зажигательной речью вывести из оцепенения, но, похоже, не могла подобрать слов. Подавив рыдания, она побрела прочь.

Я ее окликнул, но она не обернулась. Остальные просто смотрели ей вслед, потрясенные ужасной новостью, а также слабостью и нерешительностью, которые проявила Эмма. Она так долго держалась перед лицом всех этих ужасных испытаний, что мы привыкли принимать это как само собой разумеющееся, но оказалось, что и у нее есть свой предел. Она была странной девушкой, но помимо этого она была человеком.

– Вы бы сбегали за ней, мистер Джейкоб, – обратилась ко мне Бронвин. – Нам не стоит здесь надолго задерживаться.

* * *

Когда я догнал Эмму, она стояла на краю плато, глядя на пейзаж внизу. Покатые зеленые холмы плавно переходили в долину. Она услышала мои шаги, но не обернулась.

Я топтался рядом с ней, не зная, как ее утешить.

– Я знаю, что тебе страшно, и… и три дня – это очень мало, но…

– Два дня, – перебила она меня. – Два дня в лучшем случае. – Ее губы дрожали. – И это еще не самое худшее.

– Что может быть хуже? – возразил я.

Я видел, что она борется с подступающими слезами, но внезапно Эмма сломалась. Опустившись на землю, она разрыдалась. Я встал рядом с ней на колени и обхватил ее обеими руками.

– Прости, – произнесла она и трижды повторила это слово срывающимся голосом, в котором слышалось отчаяние. – Тебе лучше было уйти. Я не должна была позволять тебе остаться. Но я была эгоисткой… ужасной эгоисткой!

– Не говори так, – произнес я. – Я здесь… я здесь, и я никуда не уйду.

Мне показалось, что от этих слов она расплакалась еще сильнее. Я прижался губами к ее лбу и целовал ее, пока не почувствовал, что буря стихает. Она уже не рыдала, а тоненько всхлипывала.

– Пожалуйста, поговори со мной, – попросил я. – Скажи мне, что случилось.

Прошло несколько минут, и она выпрямилась, вытерла глаза и попыталась взять себя в руки.

– Я надеялась, что мне никогда не придется об этом говорить, – произнесла она, – что это не будет иметь значения. Ты помнишь, в ту ночь, когда ты решил остаться с нами, я сказала, что тебе, возможно, уже никогда не удастся вернуться домой?

– Конечно, помню.

– Я только сейчас поняла, что это действительно так. Боюсь, что я обрекла тебя, Джейкоб, мой милый друг, на короткую жизнь в умирающем мире. – Она судорожно вздохнула и продолжила: – Ты прибыл к нам через петлю мисс Сапсан, и это означает, что только она или ее петля может отправить тебя обратно. Но ее петли уже нет… или скоро не будет… И это означает, что твой путь домой может лежать только через мисс Сапсан. И если она больше никогда

не станет человеком…

У меня пересохло в горле, и я с трудом сглотнул.

– Значит, я останусь в прошлом.

– Да. И единственным способом вернуться в то время, которое ты считаешь своим, будет просто дождаться его – день за днем, год за годом.

Семьдесят лет. К тому времени мои родители и все, кого я когда-либо знал и любил, умрут, да и меня все будут считать давно умершим. Разумеется, если нам удастся вынести все невзгоды, которые выпали на нашу долю, через несколько десятилетий родятся мои мама и папа, и я смогу их разыскать. Но какой в этом будет смысл? Они будут детьми и совершенно чужими мне людьми.

Я спрашивал себя, когда мои оставшиеся дома родители из настоящего утратят надежду найти меня живым? Как они объяснят себе мое исчезновение? Подумают, что я убежал? Сошел с ума? Бросился с утеса в море?

Справят ли они по мне погребальную службу? Может, они купят мне гроб? Напишут мое имя на надгробной плите?

Я стану загадкой, которую они так и не смогут разгадать. И это будет рана, которая никогда не затянется.

– Прости, – снова заговорила Эмма. – Если бы я знала, что мисс Сапсан находится в таком тяжелом состоянии, клянусь, я ни за что не попросила бы тебя остаться. Для всех остальных настоящее не означает ровным счетом ничего. Если мы задержимся в нем хоть на какое-то время, оно нас убьет! Но ты совсем другое дело – у тебя все еще есть семья, жизнь…

– Нет! – закричал я и с силой хлопнул по земле ладонью, отказываясь жалеть себя, отгоняя зародившиеся в голове тоскливые мысли. – Всего этого у меня больше нет. Я выбрал это.

Эмма накрыла мою руку ладонью и тихо произнесла:

– Если то, что говорят животные, правда, и все наши имбрины были похищены, то здесь скоро не будет даже этого. – Она набрала в ладонь немного пыли и развеяла ее по ветру. – Если у нас не будет имбрин, все петли скоро рухнут. Твари используют имбрин, чтобы повторить свой проклятый эксперимент, и 1908 год повторится. Возможно, у них снова ничего не получится, и тогда весь мир превратится в один дымящийся кратер. Но в случае успеха они станут бессмертными. Ты только представь себе – нами до скончания века будут править чудовища. В любом случае мы очень скоро вымрем… и станем еще большей редкостью, чем странные животные! А я втащила в эту безнадежную ситуацию еще и тебя. Ради чего?

– На все есть свои причины, – ответил я.

Я сам не поверил в то, что эти слова сорвались с моих губ, но, едва успев их произнести, я понял, что это правда, подобно колоколу прогремевшая в моих ушах.

Я оказался в прошлом не случайно. Мне предстояло не просто кем-то здесь быть, но также что-то сделать. И уж точно я не должен был бежать или скрываться, хотя пока мне страшно было и подумать о том, что придется навсегда отказаться от такой привычной повседневной жизни.

– Я думала, что ты не веришь в предназначение, – произнесла Эмма, смерив меня скептическим взглядом.

А я и не верил… или верил, но не совсем… Я не знал, как объяснить ей, во что же я все-таки верю. Я вспомнил истории, которые рассказывал мне дед. Они были наполнены чудесами и приключениями, но в них ощущалось и нечто гораздо более глубокое. Это было ощущение непреходящей благодарности. В детстве я увлеченно слушал рассказы дедушки Портмана, который, не жалея красок, описывал волшебный остров и странных детей, наделенных удивительными способностями. Но, по сути, все его истории были посвящены мисс Сапсан и тому, как она помогла ему в тот момент, когда он больше всего в этом нуждался. В Уэльс мой дедушка приехал маленьким испуганным мальчиком, который не знал языка и спасался от двух видов чудовищ. Одни в конце концов убили всю его семью, а вторые были карикатурно уродливы и как будто вышли из его самых жутких ночных кошмаров. И эти последние были невидимы для всех, кроме него. Мисс Сапсан дала ему дом, спрятав от всех опасностей. Она помогла ему узнать, кто же он такой на самом деле. Она спасла ему жизнь и тем самым

позволила родиться моему отцу, а затем и мне. Мои родители зачали и вырастили меня. Они отдали мне всю свою любовь, и я перед ними в долгу. Но я вообще никогда не родился бы, если бы не всеобъемлющая доброта и бескорыстная забота мисс Сапсан о моем дедушке. Я начинал думать, что оказался здесь для того, чтобы вернуть наш общий должок – мой, моего отца и моего деда.

Я попытался объяснить Эмме свои чувства.

– Дело не в предназначении, – начал я. – Я просто считаю, что в мире существует равновесие, и иногда в нашу жизнь вмешиваются силы, которых нам не понять, и что-то бросают на чашу весов, чтобы качнуть их в нужную сторону. Мисс Сапсан спасла моего деда, и теперь я здесь, чтобы спасти ее.

Эмма прищурилась и медленно кивнула. Я не мог понять, соглашается ли она со мной или подыскивает слова, чтобы сообщить мне, что я окончательно сошел с ума.

А затем она меня обняла.

Мне больше ничего не надо было объяснять. Она поняла.

Она тоже была обязана своей жизнью мисс Сапсан.

– У нас есть три дня, – заговорил я. – Мы отправимся в Лондон, освободим одну из имбрин и вылечим мисс Сапсан. Еще не все потеряно. Эмма, мы спасем ее или погибнем.

Я произнес это так смело и решительно, что на мгновение даже усомнился, что эти слова действительно принадлежат мне.

Неожиданно Эмма рассмеялась, как будто я сказал что-то смешное, а потом на секунду отвернулась. Когда она снова посмотрела на меня, ее глаза сверкали решимостью. К ней стремительно возвращалась привычная уверенность в собственных силах.

– Иногда мне трудно понять, ты умалишенный или просто какое-то чудо, – произнесла она. – Но я начинаю склоняться к мнению, что скорее последнее.

Она снова меня обняла, и мы долго сидели рядом. Ее голова лежала у меня на плече, а теплое дыхание щекотало шею. Внезапно меня охватило непреодолимое желание заполнить все эти небольшие промежутки между нашими телами и слиться с ней в единое целое. Но тут она отстранилась и поцеловала меня в лоб. Она уже шагала обратно, возвращаясь к остальным, а я никак не мог справиться с головокружением. Я никогда еще не испытывал ничего подобного. В моем сердце возник и стремительно раскручивался вихрь, и от этого у меня голова шла кругом. И чем дальше она уходила, тем стремительнее становилось вращение. Казалось, у меня в сердце разматывается катушка с намотанным на нее невидимым шнуром. Этот шнур соединял меня с Эммой и натягивался все сильнее по мере ее удаления от меня. Казалось, отойди она еще немного – шнур лопнет и убьет меня.

Я не знал, что означает эта странная сладостная боль. Возможно, это любовь?

* * *

Остальные – как дети, так и животные – в ожидании нашего возвращения сбились в кучу в тени дерева. Мы с Эммой направились к ним. Мне захотелось взять ее за руку, и я чуть было не сделал это, но вовремя остановился. Я уже привык к тому, что Енох неизменно косится на меня с изрядной долей недоверия, но сейчас его подозрительность распространилась на нас обоих. Мы с Эммой быстро превращались в обособленную от всех остальных пару со своими секретами и обещаниями.

Бронвин встала нам навстречу.

– Мисс Эмма, вы в порядке?

– Да, да, – быстро ответила Эмма. – Мне просто что-то попало в глаз, вот и все. А теперь собирайтесь. Мы должны немедленно отправиться в Лондон и позаботиться о том, чтобы мисс Сапсан снова стала самой собой!

– Мы просто в восторге от того, что ты с нами согласна, – закатив глаза, ответил Енох. – Мы пришли к этому выводу еще несколько минут назад, пока вы там шептались.

Эмма покраснела, но не поддалась на провокацию. Сейчас были дела поважнее, чем мелочное выяснение отношений. Впереди нас ожидало трудное путешествие и неизведанные опасности.

– Я уверена, вы все понимаете, – заговорила Эмма, – что, как ни крути, у этого плана много минусов и надежды на успех у нас почти нет.

Она принялась пояснять все предстоящие нам трудности. До Лондона было очень далеко… не то что в современном мире, где при помощи GPS мы могли бы проложить себе путь до ближайшей железнодорожной станции, сесть на экспресс и в считанные часы домчаться до центра Лондона. В 1940-м году Британию сотрясала война, и Лондон находился бесконечно далеко. Как автомобильные, так и железные дороги, скорее всего, были забиты беженцами, или разбомблены, или заняты колоннами военного транспорта… В общем, дорога требовала времени, которого у мисс Сапсан не было. Хуже того, на нас была объявлена охота, которая теперь, с пленением всех остальных имбрин, только ожесточилась.

– Забудьте и думать об этом путешествии! – заявил Эддисон. – Его трудности должны беспокоить вас меньше всего! Возможно, вы не вполне понимаете, в каких условиях содержатся похищенные имбрины. – Он так четко проговаривал каждый слог, как будто считал нас тугоухими. – Разве вы не читали о петлях наказания в своих странных учебниках истории?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Перевод М. Лозинского. (Здесь и далее примеч. пер.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/rensom-riggz/gorod-pustyh-pobeg-iz-doma-strannyh-detey-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить